

Роман
Сенчин
Остановка

Неслучившиеся истории

Лауреат премий
БОЛЬШАЯ КНИГА
ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Новая русская классика

Роман Сенчин

**Остановка.
Неслучившиеся истории**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенчин Р. В.

Остановка. Неслучившиеся истории / Р. В. Сенчин —
«Издательство АСТ», 2023 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-17-153308-3

Новые рассказы Романа Сенчина в сборнике «Остановка» написаны до 24 февраля 2022 года, но сейчас звучат особенно пронзительно. Герои – обычные люди с их надеждами, желаниями, нерешительностью, покорностью судьбе и обстоятельствам. Но в каждом рассказе возникает поворот, некая остановка, когда человек должен сделать выбор, решительный шаг, сказать «нет» или «да». Поступиться чем-то ради будущего, идеалов, наконец, добра. Отряхнуться от бытового морока и увидеть вещи как они есть. Произойдет ли это?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153308-3

© Сенчин Р. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Золотые долины	6
1	6
2	12
3	17
4	21
5	24
6	28
7	32
8	35
9	39
10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роман Валерьевич Сенчин

Остановка. Неслучившиеся истории

© Сенчин Р.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Золотые долины

Повесть

1

Илья Погудин приехал домой двадцать пятого июня. Родители отложили разговор на вечер. Или на завтра. Отпустили погулять с Вале́й.

Гулянье получалось невеселым.

После объятий и поцелуев, до сих пор неумелых – тычки губами в губы и щеки, – побрели по тротуару с присыпанными щебёнкой ямками. Ямок было много, щебёнка хрустела под ногами.

Молчали. Валя всё заглядывала Илье в глаза, то ли ожидая, когда он заговорит, то ли ища в его глазах разрешения задать важные, необходимые вопросы.

– Опять две четверки, – в конце концов сказал Илья.

Отвернулся – не хотелось видеть, как Валино лицо перекосит боль; она сунет кулак в рот, чтобы не закричать. Так страдали девушки в старых черно-белых фильмах, а теперь вот только Валя... Может, еще по разным укромным углам страны остались такие. Немного...

– Не надо, – продолжая глядеть в сторону, попросил Илья. – Перестань.

– И что теперь? Как вы?..

– Ну, так же, как прошлое лето. Или... Решать будем, в общем.

Он обернулся к ней и с удивлением заметил, что лицо спокойно. По крайней мере, нет на нем страдания. Зимой, прошлым летом было...

Поднял глаза на волосы, цвет которых, наверное, называется русым. Илье нравился цвет Валиных волос, то, как она завязывает их узлом на затылке, прямой пробор, по которому хочется осторожно водить пальцем... Да она вся ему нравилась, хотя он даже про себя, мысленно не произносил этого слова, тем более «люблю». Просто с пятнадцати лет знал – ему будто кто-то сказал, – что Валя его девушка и они всю жизнь будут вместе.

Сначала защищал ее, на два года младше, от насмешек пацанов и девчонок, потом стал провожать домой со школы, искать с ней встречи, поджидать неподалеку от ее дома.

Валя была простая. О ней так и говорили, с презрением и иногда сочувствием, – «простая». Училась все время неважно, вела себя тихо, как-то как прибитая. Не увлекалась разными модами, не просила у родителей купить наряды и телефон без кнопок. Никто не слышал от нее щебета, громкого смеха; Валя с увлечением – нет, самозабвенно, что ли, – выполняла монотонную, однообразную работу: часами сидела на корточках над грядками, вырывая сорняки, вышивала мелкие-мелкие узоры на тряпочках, рисовала что-то в тетрадах, с готовностью вызывалась покрасить, помыть посуду, подмести пол...

Кое-как закончив девятый класс, осталась здесь, в родном поселке. На вопросы соседей ее родители отвечали: «Ну а куда ей? Заклюют в городе, в этих колледжах. Простая слишком. Да и сама не хочет».

У Вали были двое братьев и сестра. Все старше, и все более или менее устроились. А Валя... Таких «поскребыш», кажется, называют. Илья ненавидел это слово, но и чувствовал его справедливость. И тем сильнее хотелось обнять ее, спрятать в своих руках...

– Пойдем, – сказал он, и Валя послушно отозвалась:

– Пойдем.

Пошли дальше по центральной улице. Улице Комсомольской. Было тихо, людей почти не встречалось. В основном по домам или в огородах, за оградами. Снаружи нечего делать. Сгонял в магазин, если деньги есть, и обратно.

Илье было уютно в их поселке с неблагозвучным, а для посторонних и диковатым названием Кобальтогорск. Но чувство уюта смешивалось с грустью, в первые же часы начинала сосать тоска, и Илья признавался себе, что если бы теперь жил здесь не по два месяца в год, а постоянно, то тоска, сверлящая, как зубная боль, извела бы, сгноила. Теперь понимал, почему ребята, уезжавшие на учебу, не возвращались, а если и навещали родных, то коротко, и на лицах их держалась печальная полуулыбка, словно у человека, вспомнившего на поминках что-то хорошее, связанное с покойным...

Давно, еще до его рождения, Кобальтогорск был цветущим оазисом цивилизации посреди гор и тайги... В пятидесятые годы прошлого века неподалеку от того места, где позже вырос поселок, нашли залежи кобальта, никеля, меди и решили построить комбинат. Для полутора тысяч рабочих рубили в котловине меж двух хребтов дома, затем стали возводить кирпичные и бетонные.

Кобальтогорск сразу стал поселком городского типа, минуя низшие статусы «деревня», «село», «рабочий поселок», – строили капитально, с размахом. Центральное отопление не только в четырехэтажных домах и учреждениях, но в одноэтажках на две семьи. Их гордо называли коттеджами. Дворец культуры не уступает филармонии в областном центре, столовая как ресторан, разве что без официанток. Здания городской и заводской администраций – настоящие дворцы, повсюду на стенах мозаичные панно: рабочие-богатыри, девушки-физкультурницы, солдаты с добрыми глазами, улыбающиеся шахтеры, летящие балерины, Ленин, гордо глядящий на комбинат «Горкобальт»...

Комбинат вот он – на склоне горы Трудовой. Сереют бетонные остовы корпусов, часть шиферной обшивки ленточного транспортера обвалилась, оставшаяся торчит, напоминая кость оторванной руки...

Илья не застал комбинат работающим – родился через пять лет после закрытия. Не видел, как по утрам по поселку медленно ездили служебные автобусы, собирая мужчин и женщин, как возвращались вечером люди со смены, как награждали на площади перед заводоуправлением передовиков труда, передавали от одной бригады к другой красное знамя. Но с детства он тоже, как каждый кобальтогорец, сознавал себя сыном комбината, жил им. Даже умершим.

Его водили в садик, большой, просторный, с огромными окнами, бассейном, построенный, как часто вспоминали взрослые, «по ленинградскому проекту». Потом – в школу, тоже просторную, со светлыми классами, широкими коридорами... Школа была построена «по московскому проекту». Его окружали хоть и медленно ветшавшие, но красивые, величественные здания, он ходил по прямым, ровным, совсем не деревенским улицам... Всё это создали для людей, работавших на комбинате, возвели благодаря комбинату.

Как себя помнил, он слышал бодрое: «Вот запустят снова комбинат!..» Потом печальное: «Вот когда был комбинат...» И ему передавалась уверенность, что, если этот скелет на склоне горы снова наполнят мясом оборудования, та неведомая ему счастливая жизнь вернется.

Илья знал из разговоров родителей и соседей: комбинат погибал долго, медленно. Если бы быстро, было бы легче: закрыли, объявили людям, что навсегда и делать им здесь больше нечего. И они нашли бы куда переселиться, где работать. Но большинство ждало, что вот-вот «запустят», вот-вот снова позовут в цеха и шахты.

Комбинат прекратил производство в самом начале девяносто третьего года. Словно подтвердилось на деле наступление нового времени, в которое жители поселка в пяти тысячах километров от Москвы и в ста от ближайшего города упорно не хотели верить. Телевизор показывал, радио твердило: там закрыли, там остановили, там бросили, – а у них тут почти по-прежнему. Даже снабжение не особо скудело.

Но вот пронеслось как слух – комбинат встает на несколько недель. Слух подтвердился, комбинат встал... Эти недели никак не кончались. Потом новость: вывозят пачуки, разбирают печи! Мужчины бросились к цехам, скрутили, как они считали, воров. Оказалось, не воры, выполняют приказ начальства. Не комбинатовского, а выше.

Какое-то время рабочие – уже по большей части отправленные в бессрочные отпуска – боролись за свой «Горкобалт». Устроили патрулирование, не доверяя оставшимся в штате сторожам, охраняли сами.

Усмирять непослушных приезжали то менты, то бандиты, появлялись экономисты и экологи, разъясняли, что комбинат изначально был убыточным, продукция – неконкурентоспособной, что производство их концентрата оказывает губительное воздействие на окружающую природу, что жить в Кобальтогорске нельзя – повсюду мышьяк, радиация, цианистый натрий, – нужно срочно уезжать, увозить детей...

Многие в конце концов не выдержали и уехали. Не из-за экологии – существовать было не на что. За один девяносто четвертый число жителей, как слышал и крепко запомнил Илья, сократилось почти наполовину: с шести тысяч до трех с половиной.

Родители Ильи, тогда еще совсем молодые, не уехали из-за своих родителей. Те были здесь старожилами, романтиками шестидесятых... Сейчас жива осталась только бабушка, папина мама. Бабе Оле семьдесят пять, и до сих пор она верит, что комбинат возродится, пишет письма в разные инстанции, гордо носит на груди ромбик советского инженера и медальку «Победитель соцсоревнования» 1976 года...

Комбинат растащили до последней железки. Даже бетонные стены покрошили, выдалбливая арматуру. Говорят, днем и ночью стоял грохот, визг болгарок, ревели КамАЗы, скрежетали краны, экскаваторы... Участвовали и местные, бывшие рабочие, мастера, технологи. Плакали и крушили родной комбинат. А что было делать?.. Бросали в кузова грузовиков и пикапов всё железное – от шарниров и мотков проволоки до дозиметров и контейнеров с цезием – и везли в город, чтоб сдать в лом.

Илья родился в девяносто девятом, когда заканчивали разорять комбинат, а осознавать земляков и Кобальтогорск начал такими, какими они оставались и сейчас: сельские жители на остатках чего-то грандиозного. Также, наверное, выглядели последние древние римляне, выращивающие капусту и пасущие коз возле руин Капитолия.

...Вышли на центральную площадь – Октябрьскую, непомерно большую, предназначавшуюся когда-то для многотысячных демонстраций и парадов. Теперь же бетонная плитка покрошилась, из швов и трещин лезли трава, кусты, ростки черемухи, березок. Их вырывали – жители пытались сохранять порядок, – но безуспешно: рано или поздно площадь превратится в пустырь, а потом и в лесок...

Над площадью возвышается памятник Ленину. Тоже бетонный, с облезшей местами побелкой, но сама фигура мифического для Ильи и Вали вождя до сих пор поднимала настроение. Руки в карманах, ноги широко расставлены, на лице удовлетворение, какое бывает у людей, завершивших трудное дело.

За памятником здание бывшего райкома, а теперь администрации Кобальтогорска. Трехэтажное, широченное, с высоким загнутым вверх козырьком, который поддерживают четыре колонны. Правда, в холодное время года используется всего несколько кабинетов – те, где установлены печи.

Уютный и образцовый Кобальтогорск гибнул постепенно, «в несколько очередей», как грустно шутили старшие, которых молодежь в шутку с примесью презрения называла «пожилками»... Первая очередь – когда остановился комбинат, вторая – когда комбинат растащили до такого состояния, что легче стало возвести новый, чем восстанавливать этот. Третья очередь – когда из поселка городского типа его разжаловали в село.

А четыре года назад, зимой, случилась авария на ТЭЦ – «смертельный удар».

Илья часто вспоминал ту аварию и ежился от ужаса. Просил кого-то – Бога, высшие силы, – чтобы пережитое ими тогда осталось самым страшным событием.

В мае на ТЭЦ – мощной, построенной когда-то для комбината и будущего города – прекратили подачу электричества из-за долгов. Остановился подвоз угля. Закрутился на малых оборотах процесс ликвидации «Кобальтогорсктепла», не имеющего средств на погашение долгов... Судебные разбирательства, подписки о невыезде разных начальников и бизнесменов...

В принципе, ТЭЦ могла бы обеспечивать себя электричеством сама – она была оборудована турбиной. Но турбина давно рассыпалась от старости, а запасную разграбили, «разгрызли».

Люди, давно привыкшие к разным неудобствам, терпеливо ждали. В больнице, столовых воду грели на плитах; вместо ванны мылись у обладающих банями знакомых...

Электричество дали только перед самыми морозами – в октябре. Началась судорожная подготовка ТЭЦ к отопительному сезону. Из пяти котлов давно использовали два – один был основным, другой резервным, остальные безнадежно сломаны.

Почти сразу после пуска накрылся основной котел, а перед самым Новым годом случился пожар на «мельнице» – там, где крошат уголь, – погубивший и резервный.

Жителей призвали не паниковать, запретили сливать воду из батарей. А мороз давил за сорок... Через семь часов, когда удалось запустить основной котел, трубы теплотрассы стали взрываться, и в небо красиво и страшно взлетали плотные, ослепительно белые струи кипятка. Поселок посыпало рукотворным снегом.

Когда батареи стали холодными, люди, конечно, включили обогреватели, электроплиты. Не выдержала подстанция.

Тьма с редкими огоньками фонариков и свечей, столбы пара, словно в какой-нибудь долине гейзеров, и тяжкий мороз, от которого больно глазам... Но в тот момент Илье не было страшно. Понимал, что и он сам, и родные, да и все три тысячи жителей их поселка в смертельной опасности. Но чувство какого-то восторга все равно было сильнее...

Дизельное отопление и печки имелись в считанных домах. Туда и в редкие бани сразу набилось людей под завязку. Стояли плотно, один к другому, трудно вгоняли в грудь выдыханный воздух...

У Погудиных была маленькая железная печка в гараже. В морозы, если возникала нужда куда-нибудь ехать, папа подтапливал ее, оживлял теплом старенькую «шестерку». Сейчас печка стала спасением.

– Давай кочегарь, – велел папа Илье, а сам побежал за бабой Олей, которая жила в четырехэтажке...

Собрались, уселись полукругом. Молчали, слушали вой сирен на улице, какие-то хлопки, треск, скрежет... Бока печки были бордовыми, но она не могла прогреть гараж-сараяшку: лицу было жарко, а спину щипал мертвыми пальцами холод... Илья косился на бабушку, та смотрела на печку сурово и твердо. Казалось, может так твердо смотреть до конца, пока не застынет. Да и потом этот взгляд наверняка сохранится.

Сестра Ильи, Настя, которой тогда было одиннадцать, сидела на коленях мамы, гладила ее голову в толстом платке, а мама тихо, чтоб не пугать папу и детей и не сердить бабу Олю, плакала...

Дрова – да и не дрова никакие, а обломки гнилых деревяшек, сучья – кончились почти сразу. Разбив старый ящик, покрошив выдернутые из забора доски, Илья с папой поехали к ТЭЦ за углем.

По дороге заскочили к Вале. В их коттедже никого не было.

– Ушли к кому-нибудь, – задыхаясь на морозе, попытался успокоить папа. – Вон там, наверно. – И кивнул на поднимающийся в черноте сероватый столб дыма у соседей.

– Наверно, – кивнул Илья.

– Садись, бензин жжем.

До ТЭЦ было километра два. Вдоль дороги на сваях-подставках лежала теплотрасса. Она всегда казалась лишней, уродующей пейзаж лохмотьями изоляции, ржавью сетки, а теперь стала такой родной, и так больно было смотреть на струйки пара в трещинах трубы, словно живое существо заболело. «Не умирай, не умирай», – мысленно просил Илья...

Жителей Кобальтогорска развезли по ближайшим деревням, стариков и детей – в город. Но уехали далеко не все – боялись бросать дома.

Операция по спасению поселка стала делом чуть ли не всей страны. Премьер-министр по телевизору грозно требовал: «Делайте что хотите –ставляйте караулы из чиновников, буржуйки используйте, пока котлы не работают. Люди мерзнуть не должны!»

Печки, теплое белье доставляли сначала самолетами из соседних областей до города, а потом вертолетами до Кобальтогорска; везли трубы, гнали технику. Сосны, которые местные берегли и любили, бригады крепких мужиков в одинаковых пуховиках с нашивками МЧС валили, шинковали, кололи на полешки...

Заодно искали виновных. Ими сначала хотели сделать главу администрации и его заместителей. Но ТЭЦ была областного подчинения, а приказ не спускать воду из системы, говорят, исходил от главного в области человека. Хотя письменного приказа никто не видел...

Саму ТЭЦ наладили быстро, а трубы меняли всю весну, лето и осень. До конца так и не доделали – до сих пор часть подъездов в четырехэтажках без отопления, многие кабинеты в администрации и поликлинике. Даже не все старые батареи убрали, и иногда наталкиваешься взглядом на них: кривые дыры в чугуне, трещины. Словно какой-то псих с кувалдой прошелся.

После той аварии Кобальтогорск и стал по-настоящему селом, а не поселком городского типа. Во дворах широкие поленницы, в коттеджах и даже квартирах – буржуйки с торчащими из окон трубами. Много квартир вообще пустуют: люди или уехали вовсе, или перебрались в свободные дома на земле. Там понадежней.

Баба Оля в теплое время живет в квартире, а в морозы поселяется у сына, невестки и внуков. Квартиры ее подъезда по-прежнему без тепла...

С края площади доносятся звуки баяна и пение. Илья с Валей не удивляются – такое здесь почти каждый вечер. Дядь Юра.

Когда-то он занимал немаленькую должность на комбинате, а теперь состарился. Приходит на площадь, садится на ступеньки обклеенного рекламой микрозаймов Дворца культуры и начинает петь. Раньше, говорят, исполнял народные печальные песни, но на него ругались, и он переключился на другие, своей молодости. Поначалу собирались целые толпы, подпевали, кидали в коробку деньги. Потом прекратили – привыкли. Может, и не привыкли, а слишком больно слушать о том, что навсегда прошло.

Теперь рядом с дядь Юрой крутились ребята и собаки. Да и то не всегда.

Игорь и Валя подошли ближе, стали слышны слова:

...Встали в ряд века и годы,

Как солдаты в строй бойцов.

В нашей молодости гордой

Есть и молодость отцов.

Мастерский перебор по кнопкам, и голос дядь Юры делается крепче:

Хорошо свою весну нести

На распахнутых руках,

Солнце нашей вечной юности

Не померкнет в облаках!

А затем, после проигрыша, голос снова становится мягким:

Управляй своей судьбою —
Одолеешь путь любой.
И товарищи с тобою,
И любимая с тобой.

И опять перебор кнопок, и крепость, какая-то пугающая просветленность:

Хорошо свою весну нести
На распахнутых руках,
Солнце нашей вечной юности
Не померкнет в облаках!

Дядь Юра повторяет припев, дергает меха баяна и смолкает. И видно, как дрожит его подбородок, в морщинах под нижними веками поблескивает влага. Может, слезы, а может, пот.

Илья полез в задний карман штанов за мелочью.

– Оставь, – махнул рукой дядь Юра. – Лучше барышню угости мороженкой.

И заиграл что-то тихое, душевное... Илье стало так грустно-хорошо, что в горле сдавило, и он повел Валю прочь от старика, от мелодии, от пустоты огромной площади с лезущей из швов и щелей дикой тайгой...

2

– Да что ж это! – Папа еще раз тыркнул ключом зажигания, послушал сухие трески и дернул рычаг; капот приоткрылся.

Их «шестерке» в том году стукнуло тридцать пять лет – папа не забывал сообщать о юбилеях машины. Когда-то сообщал с гордостью и некоторым удивлением, что вот до сих пор ездит и даже больших ремонтов не требует, а теперь – с грустным вздохом... Конечно, пора новую, но на нее нужны деньги.

Для Ильи Филка с самого начала была членом семьи. Такой же Погудиной, как родители, сестра, он сам. Маленьким он рвался на водительское сиденье, пытался руль крутить. Дед, папин отец, часто сажал Илью на колени, и они немного проезжали по улице. «Ты потом неделю счастливым был», – вспоминала мама.

Филка – имя машины. Наверное, от фиолетового цвета. Сначала называли, скорее всего, Фиалка, а потом сократилось до Филки... Илья всегда знал их «шестерку» как Филку. «Пойду Филку прогрею», – говорил папа. «Филку надо помыть», – замечала мама. «Я в Филке полежу», – сообщала сестра, когда ей хотелось побыть одной...

Историю покупки Филки Илья слышал от деда. А это была действительно история, предание. Вспоминал дед подробно, неспешно, говорил нараспев и, хоть был совсем не старым, казался Илье в эти минуты древним, из какой-то другой эры.

«Машин тогда мало было... Ну, своих, частных. Не как сейчас – в каждом дворе... Тогда своя машина, легковушка, – это... Мечта, в общем. И вот я встал в очередь на комбинате. Денег с гулькин нос подкоплено, а встал. Машина-то нужна – хоть в город мотнуться, хоть в лес... Так просто нельзя было купить новую, только по очереди. Хотя везде жучки были, барыги эти, но я не стал... Хотелось по-честному и чтоб – с завода... Да и дороже там, на рынке. Тут-то цены тоже кусались как еще, но что ж... Ну, встал, потихоньку с получек откладываем, прикидываю, что по всем статьям года четыре ждать. Очередь-то приличная на комбинате, а машин привозят по десятку в год, не больше... И тут – бац! – чепэ в соседнем цеху: мужики напились и брак пустили. Чуть не вся смена. Выговоры им, конечно, лишение премий, а главное – вылетают они из очереди, кто стоял... И получилось, что я сразу резко вперед продвинулся. Не я один, ясно, но и я тоже... – Дед протяжно вздыхал в этом месте, будто подчеркивая, что он сочувствует вылетевшим мужикам. – Из очередей на квартиры не убирали, хоть каким раздолбаем будь, а на машины – в два счета. Машина ведь роскошью считалась, баловством. Автолюбитель, как тогда говорили... Любитель – не любитель, а просто надо. Как без машины? Тем более у нас тут? По-хорошему, узик бы каждому или «Ниву», чтоб по ягоды, по грибы, на охоту... Узики вообще в частные руки не продавали, а «Нивы» когда появились... «Нива» и стоила-то дешевле, но до нее никакая очередь не дойдет. Поэтому я на «Жигули» записался, на шестую модель. Она тогда самой лучшей была из доступных, красота неимоверная... Ну и вот – чик, пык, и я уже рядышком. А денег – едва на половину. По родне пройти, по знакомым, насоберешь, конечно, но отдавать ведь придется. И как-то в город за чем-то поехал и встретил знакомого одного. Горюю, что вот, так и так – машина, считай, на подходе, а денег кот наплакал. И он говорит: «А ты кисти сдавай. Они хорошо идут, двадцать пять копеек штука в потребсоюзе, а если напрямую в благоустройство или строителям – до полтинника». – «Да какие кисти?» – говорю. «Ковыльные, для побелки».

Дед подробно рассказывал маленькому Илье про кисти. Теперь он знает их очень хорошо. Слишком хорошо...

«И вот с тыщи две мы на этих кистях заработали. Пришлось попластаться, конечно... Привезли машины. На платформе. Новенькие, блестящие. Поставили во дворе заводуправления, и, когда идешь мимо, они прям дразнят, и гадаешь, какую тебе... Какая тебе достанется...

Три “шестерки” тогда привезли. Сероватую такую, оранжевую и вот эту, нашу, фиолетовую. Я сероватую хотел... не сероватая она, цвет сафари, что ли, теперь называется... Но тогда-то не до капризов. Сафари начальству ушла, а я за нашу схватился. Оранжевых много было машин, через одну, полезный цвет, хорошо видно его, но скучно. А фиолетовая – редкость была... Почти девять тыщ за нее выложил теми деньгами, советскими, дорогими! И не жалею... Не узик, конечно, но служит надежно, спасибо ей...»

Илья застал то время, когда дедушка был полновластным хозяином машины и папа спрашивал разрешения сесть за руль. Дедушка сам ее ремонтировал, папа же стоял рядом вот так же, как сейчас Илья. Потом дедушку очень быстро скрутила болезнь, Филка перешла папе... Он следил за ней, замазывал сколы краски, берёг. Но все равно машина дряхлая, всё чаще отказывалась заводиться...

Покопавшись под капотом, папа велел:

– Попробуй!

Илья прыгнул, но осторожно, не грубо, на водительское место, повернул ключ.

Тр, тр, тр...

– Ладно, не надо.

Вылез из кабины, опять занял место рядом с папой, тоже глядел в нутро машины. Аккумулятор новенький, купленный весной, трамблер, стартер, карбюратор, свечи, бензонасос... Илья почувствовал – глядит с тупым таким бессилием, и стало стыдно за себя, словно виноват, что не научился к двадцати годам разбираться в технике.

В детстве мечтал водить машину, изучить все детали; слово «моторист» звучало как «волшебник». А когда подошел возраст, подходящий для воплощения мечты, – как обрубило. Стали интересны камни, почвы, и Илья увлекся геологией...

– Вчера ведь специально проверил, – бормотал папа, видимо, выбирая, с чего начать поиск поломки, – сразу схватила, с пол-оборота. Еще порадовался. А теперь...

Взял отвертку, полез к стартеру.

Накануне Илья вернулся поздно – до ночи сидели с Валец на веранде, где она спала летом, целовались, обнимались, а вернее, трогали, изучали друг друга, прислушиваясь, не проснулись ли в доме, не идут ли сюда. Эта настороженность мешала сделать главное, чего давно хотел Илья и, по всецудя, ждала Валя.

Но там, на веранде, он казался себе взрослым, опытным, умудренным, а теперь, как маленький, наблюдал за папой, не в силах помочь...

Разговора, которого с тревогой ждал Илья, не было ни вчера, ни утром. Собравшись на завтрак, папа просто сказал: «Говорят, жимолость пошла, земляника. Поедем на разведку». После завтрака мама стала собирать еду, вещи в дорогу, а Илья с папой пошли заводить Филку. И вот...

С каждой минутой этого ремонта на ощупь, с каждой неудачной попыткой завести мотор росло желание сказать: «Давай академ возьму». Одна эта фраза и вертелась на языке, готовая вот-вот сорваться, вылететь в мир. Илья морщился, чтобы не произнести, сжимал скулы – понимал: после нее произойдет что-то страшное.

Два года назад, сдав ЕГЭ в целом удачно, Илья разослал документы в три универа, везде на геологический факультет. Дальше оставалось ждать, а вернее, следить за списками абитуриентов по интернету, который у них в поселке хоть и был, но работал так медленно и ненадежно, что выматывал всю душу.

В начале списков были те, кто набрал больше баллов в школе, за ними – кто меньше. Илья был поначалу везде в числе первых, но постепенно перед ним возникали новые и новые фамилии. Как в биатлонном спринте – лидер под номером 5 чаще всего, по мере финиширования сильнейших под номерами, скажем, 20, 30, 35, отодвигается дальше и дальше от цветочной церемонии...

Родители переживали, но никак не могли разобраться в системе нынешнего поступления в вузы. «И что, вот так заочно принимают? И никаких собеседований? Мы думали, в ЕГЭ самое странное – эти тесты, а оказывается... А если во все три места сразу поступишь, что, в двух пустые места останутся?»

В итоге ни в одном Илья не попал в бюджетную квоту, хотя по баллам вроде бы проходил. Но важны были не только баллы, а довузовская подготовка, индивидуальные достижения абитуриента... Ему предложили учиться на платной основе.

Поначалу Погудины не очень расстроились – давно знали про образовательный кредит, изучили условия его получения. Довольно просто все выходило, и выплата долга щадящая – небольшими суммами после окончания вуза в течение пятнадцати лет. Но именно в том году программу «приостановили», как значилось в объяснении, «из-за корректировки». Когда выдачу возобновят, не сообщалось...

В одном университете отнеслись тепло, с сочувствием, пообещали, что, если Илья окончит семестр без четверок и сдаст все зачеты с первого раза, его переведут на бюджетное.

«Ну что, – помнится, сказал тогда папа, прочитав в компьютере письмо из приемной комиссии, – пятьдесят пять тысяч за полгода, думаю, осилим. Как, Марин? – обратился к маме, и она закивала. – И хорошо. Отправляйся. Мы в тебя верим».

Зимнюю сессию на первом курсе Илья окончил с одной четверкой и двумя пересдачами. Родители успокаивали – «ничего, ничего». Летнюю – тоже с одной четверкой, по химии, которую поставили явно незаслуженно. И Илья понял, что не быть ему отличником, не переведут его на бюджет. А кредит всё не возобновляли.

Если бы сумма оставалась все пять лет одной и той же, было бы, наверно, терпимо. Но перед вторым курсом цены подняли на пять тысяч за семестр, а теперь, после второго, сразу на десять. И где их взять, семьдесят тысяч, которые нужно привезти к первому сентября, чтобы до конца января иметь право учиться?.. Допустим, за эти полгода они заработают, есть возможность, а на следующие, которые он должен будет привезти в феврале? Зимой тут главное будет для родителей, Насти и бабушки – выжить. Отец в ноябре нанимается лес валить. Илья тоже устраивался на две недели во время зимних каникул. Адов труд...

Да и заработают ли сейчас?.. Еще десять минут назад была в этом уверенность, но вот Филка не подает признаков жизни, и – что? Может, вообще серьезное, мотор заклинило, не дай бог.

– Подчистил контакты, – выбрался папа из глубины сплетений механизмов и шлангов, положил надфиль на бортик, вытер руки тряпкой. – Попробуй, а я гляну...

Илья снова сел за руль. Выждал несколько секунд, глядя на фиолетовое, с красноватыми, как язвочки, точками пробивающейся сквозь краску ржавчины полотно капота. Просил мысленно: «Заведись... заведись». И повернул ключ зажигания вправо.

Тух-тух-тух – зафыркало.

Это уже не мертвые пощелкивания. Оживает!

– погоди, – голос папы, – подтяну сильнее. – И через минуту: – Давай.

На этот раз Филка завелась, и звук мотора был мягкий, размеренный, надежный.

– Ну вот, – счастливое лицо папы, заглядывающее в кабину, – даже снимать стартер не пришлось... Выгоняй.

Он, конечно, замечает, что Илья не горит желанием водить машину, но при любой возможности сажает его за руль. На будущее, наверно...

Захлопнулся капот, открылись ворота гаража, и Илья задним ходом выехал на улицу.

Да, Филка была в порядке, и сразу забылась безнадега, только что вяжущая душу. Вернулась бодрость и желание работать. Зарабатывать. И не хотелось думать, преступно было сейчас думать о том, что давным-давно выработавшая все свои ресурсы машина в любой момент

может сломаться окончательно. Здесь, в гараже, может сломаться, на трассе в город, на таежном проселке...

Эти мелкие поломки как предупреждение. Так зуб дает знать, что необходимо побывать у стоматолога, – легкий дискомфорт, реагирование на горячее или сладкое, потом слабая боль, потом острая. Можно полоскать рот содой, чеснок к руке привязывать, класть на зуб ломтик сала. И добьешься того, что десна в конце концов вздуется и все равно побежишь в поликлинику, где зуб уже бесполезно будет лечить. Только рвать.

Так и с Филкой. Она подает сигналы: найдите мне замену, я устала, я вот-вот разважусь. Но если Илья возьмет и предложит: «Давайте на заработанное купим старый внедорожник. Какая-нибудь “Тойота” старенькая, она все равно крепче, чем наша. Сейчас за копейки можно», – то увидит в глазах родителей изумление и обиду. «Мы на твою учебу деньги зарабатываем! Филка нам помогает».

Ну да, ну да, так оно вроде и есть. Но она скоро крякнет, и родители это знают, только вот неоткуда взять пятьдесят-семьдесят тысяч, чтобы купить машину надежней. Их вон, по телевизору показывают, тысячами, не разбирая, сплюсчивают и отправляют на переплавку или еще куда... Одну бы из них им отдали.

Илья усмехнулся этой своей детской мыслишке, вылез из машины, пошел в дом за вещами.

Сегодня отправлялись на разведку, но, если повезет, это будет «разведка боем». Собрали ведра, коробки, бидоны, кружки, пакет с едой, воды побольше, и не только для себя, но и для Филки. Она, как старуха, часто задыхалась на каменистых тягунах, подскакивала температура, и ее приходилось поить, вливая в радиатор литр-два воды.

Поехали папа, мама и Илья. Сестра Настя осталась следить за домом.

– К вечеру котлеты пожарь, там фарш остался. Не забывай у кур поилку проверять, – давала последние указания мама, устраиваясь на переднее пассажирское сиденье; Илья поместился, как и раньше, когда был маленьким, сзади.

– Да, не забуду, – вяло отвечала сестра.

Она стала какой-то блеклой за те месяцы, пока Илья ее не видел. Никогда не отличалась живостью, резвостью, не хохотала, любила играть одна, часто сидела в гараже в Филке, включив фонарик (зажигать подсветку в салоне ей не разрешали, чтобы не разряжался аккумулятор). Она походила на Валю и этим была еще дороже Илье, и в то же время... Когда ты такая в десять-двенадцать лет, это может даже умилять, но, если останешься тихой и простой навсегда – за тебя страшно. Как проживешь, как устроишься в этом мире?... И с учебой в школе неважно, учителя говорят, что плохо запоминает, долго вникает, соображает, инициативы ноль – руку ни за что не поднимет.

Подобных Илья встречал всё больше. Где-то вычитал – они рождаются такими потому, что матери во времени беременности пили антибиотики, и что-то важное в плоде от этого меняется.

Но вряд ли дело в антибиотиках. Скорее всего, природа всегда создавала более или менее равными частями и активных, и спокойных, и простых, вот только в последнее время тихие, простые стали слишком выделяться: жизнь ускоряется, усложняется, всё спешит, бурлит, а они – растерянно замерли. Чтобы что-то сделать, чего-то добиться, необходимо активничать, тянуть руки, а они – жмутся, руки прячут... Они не для бурления созданы.

Вот в древности брали в воины не всех подряд юношей, а только тех, кто выделялся, имел к этому склонность, и учеными старались сделать не каждого; не все девушки становились торговками, горничными, а из знатных – светскими львицами... Кто-то землю пахал и находил в этом счастье, кувшины лепил, кто-то за пальцами сидел, белье стирал, еду готовил, книги читал в уединении... А теперь всех под одно, и если отличаешься – дебил, умственно отсталый...

Но, может, их Настя не от природы тихая. Скорее всего, видит, что незачем рвать удила. Вот брат, почти отличник в школе, увлекавшийся чтением, науками, теперь мучается со своей учебой и родителей мучает. И решила совсем спрятаться в себе...

3

Один раз Илья летал на вертолете. Слава богу, не из-за срочной госпитализации или еще какой беды. Повод был радостный, праздничный: отмечали, скорее всего, Девятое мая, а может, какая-то предвыборная кампания проходила... В общем, ребяташек сажали в вертолет и поднимали в воздух, на несколько минут зависали над поселком.

Именно тогда ему, примерно десятилетнему, и открылось, что такое родина. Конечно, он до этого понимал, что живет в России, а в России есть Сибирь, в Сибири их область, совсем небольшая на карте, а в их области – Кобальтогорск. Он отмечен только на подробных картах – самый мелкий кружочек, обозначающий населенные пункты с численностью менее десяти тысяч жителей. Таких кружочков в их области – два десятка, и в одном живет он, Илья Погудин.

Это было понятно, как и то, что где-то есть белые медведи, где-то стоэтажные дома, а где-то острова, на которых до сих пор живут люди каменного века. Илья знал до вертолета несколько улиц, площадь, тайгу, быструю речку Огнёвку, вернее, малые ее отрезки – река петляла, извивалась, – горы, поляны. Но все это он видел с высоты своего роста или из окон бабушкиной квартиры, а теперь смотрел сверху и далеко-далеко. И сказал: «Родина!» Сказал громко, четко, как говорят учителя, чтобы ученики запоминали надолго. Его не услышали – вертолет стрекотал и завывал оглушительно, так что Илья и сам не услышал своего голоса. Не услышал ушами, а душой – да.

За мутноватым кругляшом иллюминатора была видна сотня зданий. Вот по краю четырехэтажки, вот двухэтажные бараки, обитые вагонкой и раскрашенные в разные цвета. Вот центр поселка с площадью, универмагом, зданием администрации, памятником Ленину. А вот их школа, ее салатовые стены. Стройные ряды коттеджей, в одном из которых – отсюда не разобрать в каком – живет их семья.

Вокруг тайга с сероватыми пятнами рудников. Комбинат. Черные овалы хвостохранилищ, к которым взрослые запрещают ходить строго-настрого. Лента речки. И глядя на нее отсюда, Илья понял, почему она называется Огнёвка – речка была не голубой, а оранжевой. Позже он узнает – это из-за того, что в воде много железа, никеля, меди. Не так много, чтобы удивляться этому, стоя на берегу, – ну слегка рыжеватая и камни в основном кирпичного цвета; с высоты же Огнёвка была действительно словно огненной и на перекатах вспыхивала настоящим пламенем. Удивляло другое – как люди, лет двести назад дававшие названия речкам, логам, горам, полянам в этих местах, могли знать, что сверху именно эта речка выглядит как поток огня?..

С западной стороны тайга вдаль сменяется степью, с восточной взбирается на Ханский хребет. В поселке давно жара, а в логах и распадах хребта сохранился снег – белые полосы похожи на корневую систему из учебника биологии. Внизу ниточки, а чем выше, тем толще. И на макушках гор лежат снежные шапки. Они сойдут в начале июля, а в середине августа появятся снова...

Илья никогда не был на море, но Ханский хребет напоминает ему волну цунами. Застывшую волну. Застывшую если не навсегда, то на многие тысячи лет.

Еще видит он из вертолета серую полосу асфальта. Это дорога в ближайший к ним город. Дед брал его туда несколько раз, да и на автобусе ездили. Большой, по сравнению с их Кобальтогорском, шумный – Илье не понравился.

А вот коричневатые тропки меж деревьями. Отсюда они тропки, на самом же деле – проселочные дороги на рудники и в глубь тайги. Сейчас по одному из этих проселков ползет Филка, на заднем сиденье которой двадцатилетний Илья.

Он, по сути, все такой же, каким был тогда, лет десять назад. Не чувствует себя взрослым. Перетек из школы в университет, пытается зарабатывать в выходные и после пар, а то

и вместо, но удается нечасто. Предлагают раздавать листовки и флаеры в людных местах. От этого приходится отказываться. Во-первых, платят копейки, а времени на раздачу сотни штук уходит три-четыре часа – люди отшатываются от протянутых листочков, как от заразы, еще и наорут: «Чего суешь?!» Ну взяли бы и бросили в ближайшую урну... Во-вторых, чтобы раздавать, нужно ехать в центр города, а студгородок находится от него в двадцати километрах. Без малого час туда на электричке или автобусе, час – обратно.

Построили студгородок в шестидесятые годы. Он до сих пор свежий, ухоженный. В центре корпуса университета, Дом ученых, а вокруг, среди лиственниц, – общежития. Вообще-то рай для учебы, занятия наукой. Никакой суеты, ничего вроде бы не отвлекает. Тишина, покой, благотворная сосредоточенность.

Но это только на первый взгляд – на самом деле в воздухе дрожит напряжение, ощутимо покалывает электричество. Большинство студентов и преподавателей постоянно думают, как бы им подработать. А если и не думают, то все равно этот груз – нехватка денег – гнетет ежедневно. Слушаешь лекции, а внутри давит, давит, и чувствуешь, что то же самое давит и лектора. И струйка знаний, которая должна бы свободно литься от одного к другим, наталкивается на невидимую, но явно ощущаемую преграду. Она, струйка эта, конечно, находит выход, хотя становится уже не такой свободной, живой, теплой. Вливается в тебя уже как бы насильно. И задаешься вопросом: «Зачем мне такие знания? Мне нужны другие – как денег заработать».

Разум сопротивляется: «Нужны, нужны, пригодятся», а что-то сильнее разума – отпихивается.

Желания и смысла учиться нет никакого, но надо. Иначе родители, он чувствует это, потеряют цель в жизни. А цель у них – чтобы сын получил диплом о высшем образовании, а потом нашел надежную работу...

Колеи проселка глубокие, и, чтобы Филка не села на брюхо, папа едет меж ними. Наверное, весной, по распутице, прошли грузовики, разбили дорогу... В последнее время у них тут частенько появляются «Уралы», КамАЗы, забираются глубоко в тайгу. Одни говорят, что ссыпают разные токсичные отходы, другие – что, наоборот, вывозят или укрепляют могильники.

Думать об этом не хочется – Илья с детства слышит о том, что у них тут повсюду радиация, что в Огнёвке не водится рыба, а когда-то кишело, только успевай мушку бросать, что это преступление – не бежать отсюда, не увозить детей.

Да и не только слышит. То в одной семье, то в другой случается беда – коровы или телята отбиваются от стада, забредают к хвостохранилищам, то ли пьют оттуда ядовитую воду, то ли еще что, и на другой день у них начинается понос, и они умирают. Умирают медленно, мучительно, с жутким ревом и судорогами. Случается, пастухов бьют за недогляд. Вернее, одни бьют, а другие защищают – в пастухи идут неохотно, нужно уговаривать мужиков, постоянно повышать им плату.

– А, тут ведь новость, – повернулась мама, – Колька с армии вернулся!

– Да? – Илья сделал вид, что удивился. Вернее, удивился по-настоящему, но не сразу выпутался из мыслей; потом уж, через минуту, дошло. – И как он? Давно?

– Ну, недели две назад. Сначала гуляли так, аж на всю улицу радость, а тут встретила – кислый, морщится...

Колька Завьялов – Колян, Колямба, Завьялыч – был его одноклассником. Но это так, формально, а по-настоящему – больше чем другом. Вот многие парни очень быстро начинают называть друг друга братьями, потом так же быстро ссорятся и становятся врагами. Илья с Колькой братьями друг друга не называли, хотя вполне могли бы. И никакие ссоры их братства не разрушили бы.

Разрушала постепенно разлука. Росли вместе с детского сада, а после девятого класса Колька уехал в город, поступил в строительный колледж. Встречались с тех пор во время каникул да иногда в выходные, когда он, соскучившись, приезжал домой на субботу-воскресенье.

Про город говорил неохотно, на вопросы об учебе отмахивался и морщился. Да, это была Колькина привычка – морщиться. Все лицо его мгновенно превращалось в скопище бороздок и складок, если спрашивали о чем-нибудь неприятном.

Потом Илья поступил в универ, встречи стали еще реже. После колледжа Колька с год прожил дома, а вернее, в основном в деревеньке Тальниковой, почти безлюдной, с тухлявыми засыпушками, которые когда-то были дачками кобальтогорцев. Большинство обладателей этих дачек уехали, остальные перестали за ними следить – в лучшем случае садили картошку, и Тальниковая почти слилась с тайгой – разве что деревца помельче да крапивы побольше.

В Тальниковой Колька прятался – очень не хотел идти в армию. В городе затеряться не получилось, жениться и наделать детей – тоже, работы нормальной не нашел, пришлось жить в более-менее крепком, со стеклами и исправной печью домике.

Иногда навещался домой и однажды столкнулся с участковым, и после разговора с ним стал другим человеком. Точнее, переменял отношение к службе.

«Сейчас без военника никуда, – доказывал сначала родителям, а потом знакомым, да так убедительно, что все невольно кивали. – На работу не берут, везде военник требуют. Что, до двадцати семи бегать? Да и посадить могут – теперь с этим строго. А служба-то – всего год, и дедовщины теперь нет почти, и войн особых. Пойду. Что я, не пацан, что ли?»

Как раз был весенний призыв, участковый принес очередную повестку. Колька расписался, собрал сумку, попрощался с родней – отец у него хотя сам и врач, но больной совсем, мама какая-то давно уставшая, равнодушная – и сел в автобус.

Не удивились, узнав, что Кольку призвали хоть и в мотострелковые войска, но определили в строительный отряд: что ж, в соответствии с дипломом. Волновались, но Колька говорил по телефону бодро, присылал фотки – какую они красивую разряжалку для автоматов покляли из белого и красного кирпича, как выложили новый поребрик, отремонтировали курилку – беседка дворянская стала, а не курилка...

В последние месяца два Илье он звонить перестал, а у Ильи как раз началась подготовка к сессии, да и Колька далеко не всегда мог разговаривать... «Блин, надо было хоть эсэмэс посылать», – жалел сейчас, и в душе густел стыд, что бросил друга в самый, как говорят, трудный период службы – перед дембелем.

– Приедем, – сказал маме, – схожу. Год с лишним не виделись.

– Сходи-сходи. Узнаешь заодно, чего морщится.

Дорога стала ровнее, деревья расступились – машина въезжала в широкий распадок меж двух гор Ханского хребта, в одну из долин, которые у них тут называли Золотыми. Золотые долины.

Когда появилось такое название, никто, наверное, теперь не знал и не помнил. И почему именно Золотые – тоже. Может, когда-то в ручьях, текущих по дну долин, мыли золото, а может, из-за того, опять же, что камешки на их дне были в основном рыжевато-голубого цвета. Сейчас же Золотыми долины считались из-за их щедрости на грибы и ягоды. Вдоль ручьев росли смородина и облепиха, чуть дальше – жимолость и голубика, на полянках – земляника, а в тени – под сосняком и листвяком – брусника, черника, маслята, грузди, рыжики, обабки. Безлесые склоны были богаты клубникой. Иногда так богаты, что машина, проезжая по такому склону, оставляла ярко-красные, словно бы кровавые полосы.

Сейчас, в конце июня, ручей стал узеньким, смирным, но отшлифованные валуны по его краям, наносы сучьев, а то и огромные стволы с содранной корой показывали, что во время таяния снега на вершинах ручей становился могучим и свирепым.

Таких долин здесь было с десятков, но не во все можно проехать на машине, тем более на их старенькой, с низкой посадкой Филке.

Папа постарался забраться как можно выше, но вот раз, потом другой днище шоркнуло о камни. Мама забеспокоилась:

– Хватит, наверно? Пешком пройдем.

И папа послушно съехал с проселка на первый же пяточок. Заглушил мотор...

Илья не очень ловко выбрался наружу – в последнее время ездил хоть и редко, но всё на иномарках или на наших, но сделанных под иномарки. После них жигуль казался тесным, неудобным... Выпрямился, потянулся, огляделся. В такие минуты чувствовал очень сильное волнение от ожидания необыкновенного, радостного, того, что изменит жизнь семьи. Вот сейчас ступит в тайгу и обнаружит сумку с деньгами – толстые пачки, стянутые бумажными полосками, как в фильмах, или спустится к ручью, а там лежит золотой самородок килограммов на десять... Посмеивался над этими своими мыслями, но подолгу просиживал в интернете и за книгами, стоял у витрин в геологическом музее, чтоб запомнить, как выглядит самородное золото, серебро, платина и не пропустить, если что.

– Ну, глянем, как оно, – приподнято выдохнул папа; шагнул, нагнулся, сорвал с земли длинный лист на красноватом снизу стебле. Пожевал. – А черемша-то еще ничего, хоть и зацветает. Мы вчера забыли сказать – на три с лишним тысячи ее продали.

– В городе? – уточнил Илья.

– Конечно. Тут-то кто купит...

– И за сколько раз?

– Четыре.

Илья подсчитал в уме, сколько одного бензина затратили на эти поездки сто километров туда, сто обратно – не очень-то много и остаться должно от этих трех с лишним... Мама, будто угадав его мысли, скороговоркой уточнила:

– Мы не только с черемшой ездили! Редиску возили, батун, заготовки. Маслята маринованные очень хорошо идут. И банками, и на развес.

– Так что не в накладе, – подытожил папа.

4

Жимолость еще не созрела, а земляника, растущая в стороне от ручья, на пригреваемых солнцем полянках и проплешинах, оказалась спелой и рясной.

Но не бросились ее хватать, походили, оценили количество, посоветовались.

– Как считаете, наберем? – с надеждой, но какой-то неопределенной, спросила мама.

– Если упрямся – считаю, ведра два сможем. – Папа говорил вроде по-прежнему бодро, хотя не так уже искренне. – Черемши подрежем.

Мама кивнула:

– Редиски еще осталось пучков на десять... Будет с чем ехать.

– Значит – берем... – В этой фразе папы не слышалось утверждения или вопроса.

Оба глянули на Илью, и ему снова захотелось сказать, что надо заканчивать с этими мучительными поисками денег, с его унижительной платной учебой. Вернется сюда, будет работать по хозяйству. Или еще что... Но сказал другое:

– Берем.

Вернулись к машине, попили воды, разобрали коврики, разошлись по полянкам. Начали.

Ягодок было много, и каждый раз – а в сборе земляники Илья участвовал с детства – казалось, что набрать коврик дело десяти минут. Но ягодки маленькие, меньше горошины. Дно коврика все никак не скрывалось, а уже стало давить в спине, большой и указательный пальцы костенели от однообразных движений. Появились слепни, кружили над головой с жужжанием: одни, крупные, – с угрожающим, а мелкие, цветастые, которых мама называла «мухи цеце», – как бы извиняясь. Левой рукой отгоняешь их, а правой беребишь-беребишь-беребишь кустики. Иногда попадается крупенькая – раза в полтора больше обыкновенной, – не круглая, а продолговатая. Радуетесь ей, как дорогому подарку; медленно, на корточках, двигаетесь дальше, беребя кустики, ожидаешь, что там, дальше, таких продолговатых, будет через одну...

Встаешь, встряхиваешься, подпрыгиваешь, чтоб разогнать кровь в затекших ногах, ловишь слепня, казнишь его, снова присаживаешься, правой рукой беребишь, сыпаешь, левой помахиваешь над головой, шлепаешь себя по спине, шее, заду...

Азарт сменяется отчаянием, усталость – приливом энергии. Ягодки видеть перестаешь, зато лезут в глаза лепестки ромашек, шишки, листья, мельтешащие по листьям и былинкам муравьи. Потом, наоборот, видишь лишь красные шарики, утыканные крошечными орешками, потом красные исчезают, остаются зеленые. И удивляешься, как тут вообще можно хоть что-то собрать.

Промаргиваешься, смотришь на деревья, на небо, высокое, голубое, теплое. Ловишь слепня и долго рассматриваешь его голову с огромными глазами, напоминающими очки летчика, двумя иглами, похожими на крошечные бивни, вытягиваешь хоботок, который превращается в миниатюрную цепь пилы. Поражаешься сложности такого отвратительного существа, расплющиваешь ему голову пальцами и бросаешь в траву...

В общем, всячески отвлекаешься от ягоды и затем снова возвращаешь взгляд на полянку. Теперь она утыкана красными шариками. Сдергиваешь клешище из большого и указательного пальцев. Когда в ложбинке ладони набирается их пять-семь-десять, сыпаешь, не глядя, в коврик.

В коврик лучше каждый раз не заглядывать – так он заметнее заполняется. Раз пятнадцать сыпал и посмотрел – в коврик прибавилось. Еще раз пятнадцать – еще прибавилось. А если каждый раз, то как минутная стрелка на часах: когда следишь за ней не отрываясь, она остается на месте, а глаза начинают болеть.

Но вот коврик полон. Почти. Надо подсыпать еще. И еще. Все кажется, что, если придешь с таким, родители могут подумать: недобрал. Они наверняка не подумают, наоборот, чем

меньше в ковшике, тем не так сильно нижняя ягода давится... Да, не подумают, но кажется. И подсыпаешь еще пяток, потом еще. И когда появляется горка, поднимаешься, привыкаешь к равновесию после корточек и осторожно несешь его к машине...

Родители были уже там.

– О, сколько у тебя! – похвалила мама. – А мы не выдержали, решили передохнуть.

Вряд ли набрали меньше, просто подбадривает.

По дну багажника были расставлены плоские пластмассовые контейнеры. Ссыпал землянику в один из них – нос защекотало от густого аромата ягоды, – вытер сок в ковшике сухой тряпкой. Сел рядом с родителями. Глотнул успевшей согреться воды из бутылки... Да, день жаркий. Отсюда небо было видно шире – нигде ни облачка. А в голове мелькнула то ли детская, то ли подлая мыслишка: вот бы налетело, завалило тучами, дождь. Сбор бы пришлось свернуть. И никто не виноват – природа.

– Ну что, – папа посмотрел на часы в мобильнике, – за неполный час по ковшику. В ковшике два литра. Итого – шесть. Еще заход, и будет ведро. Сколько стаканов входит в ведро?

– Смотря что в стакане, – отозвалась мама; ей явно не хотелось сейчас заниматься подсчетами. Папа этого не уловил:

– Земляники, понятно...

– Примерно тридцать. Если твердая – больше.

– М! Это, получается, шестьдесят. Шестьдесят хотя бы по сто – шесть тысяч рублей загрести можем!

Мама взглянула на папу так как-то с иронией, что ли, или, может, презрением. В общем, нехорошо взглянула... Илья уже не первый раз замечал, что она, кажется, перестала уважать его. Пока в основном молчит, продолжает считать папу главой семьи, но уже не уважает.

Да он, по сути, и не глава. Глава баба Оля, хоть и живет отдельно. Но если вдруг заходит при ней разговор, довольно абстрактный, о переезде в другое место, об их городе, о городе, где учился Илья, она сразу настораживается, и все чувствуют это. И разговор скисает.

Мама бы наверняка уехала. Да и папа тоже. Но баба Оля не даст. Ничего даже говорить не будет, а молча, одним своим видом, не пустит.

Папа очень уважает ее, память об отце, о тех, кто строил Кобальтогорск, работал на комбинате. И это уважение, а точнее – страх показать неуважение, стать для матери дезертиром держит его здесь. А заодно и всю их семью. В том числе и Илью: баба Оля уверена, что, отучившись, он вернется. Возрождать.

– Что, поднимаемся, – сказала мама, – еще по ковшику – и перекусим. Согласны?

Конечно, согласились – вариантов не было...

Вернулись домой часов в шесть. В багажнике стояли десять контейнеров с земляникой, в салоне на коврик под задним сиденьем – пук срезанной черемши. Было еще совсем светло, как днем, сбор ягоды или черемши могли еще вполне продолжать, но дома предстояло много дел.

Очистить черемшу от стеблей с зонтиками цветов, нарвать редиски, помыть, срезать хвостики и большие листья. Пучки черемши и редиски мама будет вязать уже завтра, в городе, на базаре... Достать из подпола прошлогоднюю морковь, свеклу, редьку, по несколько банок маринованных маслят, соленых груздей, огурцов, помидоров, варенье, тертую малину, крученую жимолость... Все это пойдет на продажу. Но главное, конечно, будет земляника.

Нужно помыть пластиковые стаканчики для нее, не забыть ложки с дырочками, которыми удобно накладывать, рулоны полиэтиленовых пакетов, весы – вдруг кто-то решит купить землянику на вес: конечно, мама назначит большую цену, так как на вес продавать невыгодно, лучше стаканами, но нет гарантии, что раскупят. Бывает, привозят обратно больше половины товара, и приходится консервировать – иначе через два-три дня заплесневеет, скиснет, загниет.

Илья наблюдает за сестрой. Сидя во дворе на низком табурете, она сосредоточенно, как-то пугающе сосредоточенно трет щеткой прошлогоднюю морковку, смывая песок, сдирая бахрому ростков.

Говорят, от утомления однообразными занятиями отлично помогает воображение. Руки словно сами по себе что-то делают, а ты путешествуешь вместе с ведущими «Орла или решки», перечитываешь любимую книгу или представляешь, что это, например, не морковка, а какой-нибудь снаряд, который нужно отшлифовать, чтобы без помех входил в дуло пушки...

Сам Илья обладал слабым воображением и потому часто делал работу через силу. Но и Настя, кажется, не умеет представлять, фантазировать, хотя и не злится на однообразие. Впечатление, что голова у нее сейчас совершенно, абсолютно пустая.

Ему хочется поговорить с ней, а о чем – на ум не приходит. Вообще в их семье мало разговаривали не по делу. В сложных ситуациях или папа, или мама объявляли семейный совет, все вчетвером садились за круглый стол на кухне, и инициатор совета говорил, что возникла такая-то проблема, трудность, и тут же предлагал, как ее разрешить. И остальные кивали. Не спорили.

В детстве, не в том, когда мало что понимаешь, а в том, какое принято называть отрочеством, Илья с Настей играли вместе, у них были свои секреты от взрослых, своя почти отдельная жизнь, а потом стали друг от друга отдаляться. Илья больше общался с пацанами, у него появилась Валя, сначала как предмет наблюдения, а в последних двух классах как подруга, у Насти – полуподруги, с которыми она водилась словно бы по необходимости. Надо ведь быть в чем-то обществе.

Но казалось – ей по-настоящему никто и не нужен. Вот появится года через два-три парень, и хорошо, если не обманет, полюбит, женится. Настя наверняка будет хорошей женой. Впрочем, вряд ли мужу с ней окажется нескучно...

– Ну что, – закончив перебирать черемшу, замотав чистую, без стеблей, в полиэтилен и убрав в ледник, где льда уже не было с апреля, но сохранялась прохлада, спросил маму, – я к Кольке сгоняю? Завтра ведь с вами не еду?

– Мы вдвоем. А вы с Настей грядки пополите. Картошку окучивать надо. Затянет травой, потом и не разберем, где что...

5

Илья хотел взять с собой Валю, но передумал – сначала надо одному. Колян, мама говорит, не очень-то радостный, еще Вале что-нибудь сказанёт, и придется заступаться, еще драки с другом не хватало.

Шагал по проулку вдоль забора, поглядывал сквозь щели досок на родительский огород.

Растения там пока не набрали силу, видны четкие прямоугольники грядок, поделенные дорожками, подсолнухи и кукуруза слабые, как подростки, зелень картошки бледноватая. Но скоро, еще каких-нибудь две недели тепла – и всё поспет. И сорняки. Из лета в лето рвешь их, каждую грядку проходишь по нескольку раз, а весной земля снова покрывается сыпью ростков всех этих подсекольников, лебеды, крапивы, вьюна, мокреца, полыни, пырея, американки, клевера, одуванчиков, пастушьей сумки... Бесконечный процесс. Нескончаемый. Еще сотни поколений будут возделывать эти двадцать соток земли, и всё будет по-прежнему. Садишь весной нужное и потом с мая до сентября обороняешь от душащих сорняков.

Конечно, и сорняки полезны – одни понижают давление, другие избавляют от изжоги и заживляют язву желудка, из третьих можно варить щи, из семян четвертых – каши, листья пятых останавливают кровь. Но это не продашь на базаре. А продать можно морковку, редиску, помидоры, огурцы, укроп, кукурузные початки, петрушку, ягоду-«викторию», кабачки – как раз то, что сорняки задавят за месяц без человеческой защиты...

Вышел на улицу – широкую, сохранившую хороший асфальт. Она тоже называлась Мира, как и та, на которой жили Погудины, хотя была ей параллельной. Такая вот странность. Названий, что ли, других не нашлось?.. Приезжий в поиске нужного дома наверняка запутается и почувствует себя в каком-нибудь городе Зеро. Правда, приезжие в Кобальтогорске появляются теперь очень редко.

Эта часть улицы Мира была украшена рядами диких яблонь. Хоть и дикие, они были когда-то посажены специально. Весной яблони покрывались белыми цветочками, и на душе становилось радостно, а пахло так, что плыло в голове. Но плоды получались маленькие, не крупнее войлочной вишни, и страшно кислые. Их не собирали, даже птицы клевали только в самые голодные зимы.

Другие яблони у них тут не приживаются, вымерзают.

Улица застроена двухквартирными коттеджами – по полдома на семью. Некоторые сохранили свой первоначальный вид: обитые деревянными некрашеными плашками, заходящими одна на другую, словно чешуя. Лемех, кажется, называется. Напоминают купола деревянных церквей и одновременно больших серых рыб. Стены других домов покрыты вагонкой, третьих – листами сайдинга. Но много и брошенных.

Да, администрация и простые жители следят за порядком – вокруг домов без хозяев нет досок, осколков шифера, раскрошенных кирпичей, почти везде окна забиты аккуратными деревянными щитами. Но все равно – тягостно. Особенно когда одна половина дома свежеевыкрашенная, с веселыми наличниками, чистыми окнами и белыми занавесками в них, а вторая – темная, пустая, мертвая...

На лавочке возле такого коттеджа – словно расчерченного по линейке на живую и мертвую половины – сидит Зоя Викторовна. Она была учительницей истории, но давно уволилась из школы.

Она не то чтобы старая по возрасту, а какая-то потухшая, потерявшая ко всему интерес. Вот так сидит возле своей квартиры каждый день, даже в дождь и мороз – Илья, бывая здесь, почти всегда ее видит, – но никакого выражения на ее лице нет. Ни оживления при появлении человека, ни раздражения, когда мимо с ревом проезжает мотоцикл без глушителя. Даже

голову не поворачивает, не кивает в ответ на приветствия. Просто смотрит перед собой, как сфинкс.

Зоя Викторовна одна. У нее был муж, а детей не случилось. Ее мужа Илья помнит – тоже работал в школе. Физик. Умер, когда он учился в начальных классах. Илья расстроился, даже немного поплакал – лет до десяти он частенько плакал, правда, где-нибудь спрятавшись. Муж Зои Викторовны – имя-отчество он, конечно, забыл – представлялся настоящим ученым. Пышные волосы, горящие глаза, быстрая походка, часто – синий халат с торчащей из нагрудного кармашка ручкой. Он напоминал Дока из любимого Ильей в детстве фильма «Назад в будущее».

Говорят, после его смерти Зоя Викторовна такой и стала. Не сразу. Постепенно гасла. Илья скучал на ее уроках – она рассказывала неинтересно, через силу, иногда велела самим читать параграф и садилась за свой стол или отходила к окну и смотрела на улицу. Ученики потихоньку начинали перешептываться, толкаться, баловаться; Зоя Викторовна долго, казалось, не слышала этого, а потом била кулаком по столу или подоконнику, и класс стихал на несколько минут, она же снова куда-то погружалась.

Теперь Илье было стыдно за их поведение, хотя школьники всех времен и народов так настроены: их нужно на уроке занимать. Или увлекать материалом, который они проходят, или давать контрольную, самостоятельную. А вот такое: читайте параграф, а я отвернусь, – они не принимают. Вернее, воспринимают как свободу. А свобода в их возрасте – производить шум.

– Здравствуйте! – громко сказал Илья и остановился; сейчас, проведя почти полгода не здесь, он соскучился, казалось, по каждому земляку, и хотелось, чтобы все увидели: он вернулся.

Зоя Викторовна приподняла лицо, не сразу, выбираясь из дремы или, может, воспоминаний, нашла взглядом Илью. Не улыбнулась, но кивнула. Уже немало.

– Как ваше здоровье?

– Не спрашивай...

– Может, что помочь?

– Да что тут поможешь...

Она говорила спокойно, без боли и слез, которые часто стоят в горле у старых людей. Но это спокойствие было страшнее боли, рыданий – какое-то неживое. И Илья торопливо пошел дальше. Даже пальцы в кармане собрал в фигу – боялся, что и на него перейдет это состояние. Заразит, сделает таким же...

В доме, где живут Завьяловы, обитаемы обе половины. Вернее, дом теперь на них одних – уезжая, соседи продали свою половину за копейки. Вряд ли Завьяловы верили, что всё наладится, – просто ехать было некуда. Да и отец имел надежную работу – врача-травматолога в больнице. «Что-что, – частенько повторял, – а больницу не закроют. Каждого за сто кэмэ до центральной не повезешь».

Больница, правда, сильно скукожившаяся за последние годы, действительно продолжала существовать, Колькиного отца не сокращали. Вывихи, растяжения, порезы, переломы в поселке – частое дело...

Илья повернул кольцо на калитке, вошел во двор. Загремела цепь, на него метнулся со сдавленным хрипом завьяловский пес.

– Рича, это я. Я. Не узнал?

Пес остановился как вкопанный, несколько секунд смотрел на Илью и завилял хвостом.

– Ну вот, молодец. Привет. – Можно и погладить, хотя не стоит пока. – А Колян где?

Рича мотнул головой, словно пытаясь показать.

Колька, как и все Завьяловы, оказался на огороде. Женщины – мать, бабка, две сестры – стояли кверху задом над грядками, пололи, а Колька с отцом и братом занимались картошкой.

Илья вздохнул – завтра подобная работа ждала и его.

– Лето путём не началось, а вся заросла, – сказал Колька, словно оправдываясь, а уже после прислонил тятку к забору, обнял Илью, встряхнул; был он всегда крепче, мощнее. – Здорово! На каникулы?

– Угу. А ты дембельнулся?

Вопросы, конечно, глупые, но нужно было с чего-то начинать после года с лишним, что не виделись, не общались почти – короткие телефонные переговоры не в счет.

– Пойду с Илюхой посижу. – И, не дожидаясь ответа от отца или матери, Колька повел его с огорода. – В избе или у меня?

– У тебя.

С детства Колька в основном обитал во времянке – пристройке к летней кухне. Оборудовал себе там нечто вроде штаба. Фотографии машин, оружия из журналов, разные пацанские игрушки – ножи, самострелы, рогатки с иссохшей теперь и полопавшейся резиной... Стол, топчан... Илье вспомнилось, что Колька заживался здесь до поздней осени, и каждый раз его мама, тетя Рая, жаловалась маме Ильи: «Не идет в избу, а уже морозы какие. Замерзнет там...»

– Падай, – кивнул Колька на топчан. – Как дела-то?

Был он радостный, светился улыбкой. И Илья мысленно упрекнул маму: «Ничего он не кривится. Наоборот. Тетя Рая опять заполошит».

– Нормально, – ответил. – Приехал вчера, сегодня вот за земляникой съездили...

– Опять собирательство? – И Колькина улыбка превратилась в язвительно-болезненную усмешку; Илья понял – мама говорила правду.

– Ну, надо, – отозвался как-то робко, как младший. – Я вообще-то против, но как им сказать...

– В каком смысле – против?

– Ну, – это «ну» его самого раздражало, но без него не получалось, – чтоб за учебу платить.

– Хм, а как еще?

– На бюджет перевестись. Но для этого все экзамены надо на пять и зачеты с первого раза...

– Да, ты говорил, – перебил Колька, – помню. А тебе не дают. И не дадут, потому что им это невыгодно.

– Наверно...

– Да не наверно, а точно.

– Ну да... А ты как дембельнулся? – Надо было перевести разговор, обсуждать свои проблемы Илье не хотелось. – Давно?

– Недели две. Три дня всего переслужил. Нормально, в общем. Всё там было нормально. Здесь вот... Короче, родакам помогу и свалю осенью.

– Куда? – не столько удивился Илья, а заинтересовался, будто ответ Кольки мог открыть и ему новый путь, который он все последние месяцы пытался найти. – В город?

– Ково в город! Кому я там нужен?

– А куда?

Колька смотрел в мутное, маленькое оконце. Морщился и поводил плечами, как бы выбирая подходящий вариант. Выбрал:

– Туда. В армию обратно.

– Не понял.

– Что? Контракт заключу. Нас уговаривали, но никто не повёлся – домой сильно хотели. А что тут? Картошку тятать и потом ее есть, чтоб весной посадить и снова тятать? Жил бы в городе, там хоть какие-нибудь варианты, а тут...

– Да ну, Колян, какая армия? – Илья испугался, точно забирали его самого. – Ты же ее ненавидел.

– Ну и дурак... Нормально там. Одет, сыт, да и делать ничего не надо особого. Не картошку тяпать, мошку кормить.

– А родители в курсе?

Колька покривился. Ответил с усилием:

– Нет пока.

– Они офигеют. Они ведь сами тебя прятали, а теперь...

– А что они?.. Что могут предложить? – Колька стал злиться. То ли на Илью, то ли на родителей, а может, на себя самого.

– А почему они должны предлагать? Ты колледж закончил, диплом есть...

– И куда я с ним?

– На стройку.

– Ага, ждут меня там... Я узнавал, – другим уже голосом, упавшим, продолжил Колька. – Там киргизы одни. Не нужны мы. Нет вакансий... Короче, уйду на контракт – двадцатка в месяц плюс жратва, жилье, одежда.

– Обмундирование, – едко поправил Илья, надеясь этим бездушно-казенным словом изменить его решение. Да и не верил, впрочем, что это решение. Скорее всего, депрессуха после года в казарме. Говорят, она часто случается: едешь из армии и чувствуешь себя королем жизни, весь мир у твоих ног, а на самом деле ты песчинка и куда-то надо прибиваться, чтоб не утащило в открытое море.

6

Колька не предложил погулять, пивка выпить, и Илья об этом не заикнулся. На самом деле, не хотелось. А хотелось спать. Уснуть надолго, встать другим. Сильным, бодрым, знающим, как жить дальше...

Проспал до девяти – в первые дни здесь спалось всегда глубоко и сладко; родители наверняка давно уехали, сестры в доме не было. Побродил по комнатам, посидел на кухне перед столом, на котором что-то ждало его, прикрытое полотенцем. Так всегда делала сначала мама, когда кто-нибудь не приходил на завтрак, обед или ужин, а потом эту привычку переняла Настя. Она теперь в основном готовила. Вкусно готовила, и даже из мясной обрезки могла сделать отличное жаркое или рагу. Или как это там называется.

Сидел, прислушивался к себе, как к постороннему. Нет, сильным и бодрым не стал. Решение не появилось. Вернее, знание... Да, для решения нужно знание. Без него любое решение будет ошибкой.

Есть не хотелось. Надел треники, вышел во двор. Запрыгал на задних лапах, радуясь, Пират. Его лет пять назад завели вместо умершего Трезора. А до этого был Буран. До Бурана, кажется, Топаз...

Прошел мимо. Пират опустил на все четыре лапы. Наверно, обиделся... Через хоздвор – на огород. Да, сестра там. Конечно, полет грядки. Летом, каждое лето, это главное занятие – полоть. Рвать, рвать, рвать траву...

– Насть, ты собаку кормила? – крикнул, чтоб показать, что проснулся, включился в хозяйственные заботы.

Сестра поднялась с корточек – полола, слава богу, не как большинство, кверху задом, а присев, – кивнула:

– Да... Доброе утро!

– Доброе... А куриц?

– И куриц. Иди сам поешь. Там оладьи на столе, варенье. Молоко в холодильнике.

– Спасибо.

Медленно, нутужно втягивался в ту жизнь, что была когда-то привычной, естественной. Никакой другой он и не знал. Но теперь за четыре с лишним месяца отвыкал, и она казалась не то чтобы тяжелой, а неправильной, что ли, устаревшей. Цивилизация давно ушла вперед, а такие вот островки остались.

Нет, не так. Совсем не так. Их поселок был новой цивилизацией – коттеджи и многоэтажки, центральное отопление. Участки земли воспринимались не как источник пропитания, а... Как там англичане, американцы называют? – газоны, лужайки. Вот именно. Земля под мягкую красивую травку, а не под картошку. Но жизнь повернула так, что эти сотки – гарантия не умереть с голоду. Редиска, огурцы, морковь. Помидоры и перцы в тепличках. И картошка, картошка. Вареная картошка с молоком, с редиской и редькой в сметане, жареная, печеная, тушеная, пюре...

Илья застал время, когда родители держали свиней, кроликов, но потом с кормами стало туго – местная ферма закрылась, покупать комбикорм, зерно стало негде. Нет, его продают на окраине города, но по таким ценам, что кормить ими скотину – в убыток. А на траве и морковке даже кролики не протянут... Есть у них теперь десяток кур, и те вечно полуголодные – овес или пшеничные отруби сыпят им буквально по две-три горсти утром и вечером, остальное – трава, иногда недоеденное собакой, муравьиные яйца из обнаруженных на огороде муравейников...

Илья жевал оладьи, запивал голубоватым, со снятыми сливками, молоком, вспоминал, готовился к двум месяцам полузабытой и на самом-то деле чуждой ему теперь жизни. Боялся, что не выдержит и скажет: «Не могу. Всё». И этим убьет последние силы родителей.

Но пошли дни, и мышцы постепенно привыкали к физическому труду, кожа – к укусам, руки – к крапиве и иглам осота, мозг – к однообразной работе. Да и удачи родителей на рынке помогали. В первую поездку заработали пусть не шесть тысяч, как планировал папа, но почти четыре, во вторую – снова повезли в основном землянику – три семьсот. Пошла жимолость, потом черника, «виктория» на огороде. Постепенно созревала клубника на увалах.

– Ничего, соберем, – бодрился отец, глядя, как мама кладет в конверт очередные тысячные бумажки. – Там брусника будет, грибы, ковыль... – Смотрел на Илью просящим поддержки взглядом, и Илья кивал, тоже бодро отзывался:

– Да, получится.

Уверенности, что всё у них тут прочно и надежно, добавляли известия из большого мира: в Иркутской области наводнения, есть погибшие, сотни домов разрушены, в Баренцевом море сгорела подводная лодка, в Киеве обстреляли здание телеканала, в Швеции упал самолет, в Африке вспышка вируса Эбола, много умерших... Погудины ужинали под программу «Время» и сочувствовали...

С Валею Илья встречался редко. У нее тоже хватало дел, да и не рвался он встречаться – не знал, как перешагнуть ту грань, что отделяет до сих пор полудетскую их дружбу от взрослых отношений. Понимал, пора перешагнуть, и не мог. А может, и не хотел. Не признавался в этом себе, даже мысли не допускал, что не хочет, но где-то там, в самой глубине того, что называют душой, тлело: «Не надо, ведь тогда придется навсегда с ней, а иначе станешь предателем».

Злился на себя, гасил это тление: «Валя – моя, и мы с ней навсегда вместе. Мы с ней – вместе. – Но тут же добавлял: – Просто сейчас не время. Доучусь, получу диплом, устроюсь работать. Тогда». Да, вот тогда и можно начинать взрослые отношения.

И в то же время очень хотелось Валею. Или вообще девушку, женщину. В двадцать лет оставаться девственником, тихим инцелом было – кроме всего прочего – стыдно. Тем более ему казалось, что все это видят. И он несколько раз объявлял в компаниях, что на родине у него невеста... Но невеста ли?

В прошлый приезд был уверен – да. Когда ехал сюда, тоже. А теперь... Теперь сомневался. Не хотел, запрещал себе, но – сомневался.

Оставшиеся в Кобальтогорске одноклассники, приятели не заходили. Не звали посидеть в единственной кафешке или просто на природе. Колька тоже не показывался. И Илья никуда не ходил. Лишь с Валею гулял, да и то раз-два в неделю. Заставлял себя. И во время прогулок тяготился ее молчанием, не знал, что сказать. Когда обнимал и целовал, она не сопротивлялась, но почти не отвечала губами, руками. И желание пропадало...

Как-то в свободный вечер решил перебрать скопившиеся еще со школы бумаги в ящиках письменного стола.

Стол был большой, основательный. Когда-то стоял в управлении комбината, но во время разорения дед, с разрешения уходящего начальства, его забрал. Сначала сам за ним сидел, а потом передал ему, Илье. Своего рода подарок на начало школьной жизни. И уроки за этим столом хорошо делались.

В ящиках было много всего. Школьные дневники с оценками, редкими замечаниями учителей, тетради, отдельные листочки с контрольными и диктантами, рисунки, журналы про историю и географию... А вот несколько соединенных веревочкой ватманов – доклад семиклассника Ильи Погудина «Мой родной Кобальтогорск». Имя и фамилия написаны синим фломастером, название – красным. Под названием распечатанная на цветном принтере фотография – панорама их поселка.

Илья перевернул лист и стал читать, иногда буксуя на самом себе непонятных и неясным почерком написанных слов, – учительница географии всегда требовала, чтобы доклады были от руки, а не набранные на компьютере:

«Кобальтогорск – поселок металлургов и горняков. Основан в 1953 г., чуть севернее реки Огнёвки, в красивом месте у подножья гор. Местный металлургический комбинат в советское время был главной достопримечательностью и гордостью области. В этом образцовом социалистическом поселке имелись больница на 125 коек, профилакторий, трехэтажная школа, Дворец культуры металлургов, Дом быта, современный по тому времени универсам, спортивная и музыкальная школы.

История основания Кобальтогорска очень интересна. В 1913 г. пастухи из рода Кыргысов в своем кочевье в предгорье Ханского хребта нашли разноцветные камни, которые служили игрушками для их детей, а потом внуков. Лишь в 1947 г. пастухам представилась возможность показать свои находки знатокам подземных богатств – геологам. Камни оказались кобальтовыми минералами. С этого времени началась разведка месторождения. Люди работали с большим энтузиазмом: удача сопутствовала им – открывались все новые залежи богатых руд кобальта, никеля и меди.

Пастухи вместе с группой геологов были удостоены за свою находку Сталинской премии. Деньги они отдали на строительство школы.

Сюда потянулись люди с разных концов страны. В 1953 г. началось строительство поселка для разведчиков недр. Сперва соорудили землянки. Так зародили «Копай-город», служивший в то время временным жильем».

Илья усмехнулся. Помнится, почти всё он слизал из интернета, энциклопедии, но вот кое-что пытался написать сам.

«Кобальтогорское месторождение известно людям уже давно. Еще в эпоху бронзы здесь добывали медь. Наши руды оказались уникальными и по составу, и по содержанию металлов – кобальта, мышьяка и др. По содержанию кобальта это месторождение в десятки раз богаче известных отечественных кобальто-никельных месторождений, а по разнообразию минералов оно представляет собой «естественный геологический музей». В нем насчитывается около 59 рудных минералов. Впервые обнаружено 2 ранее не известных минерала кобальта.

Разведка указала на большое месторождение, выходящее прямо на поверхность и простирающееся вглубь на 300–400 м».

– Простираться вглубь, – повторил Илья, чувствуя, что щеки зажгло от стыда. – Да ладно, сколько мне было тогда... Лет двенадцать.

«Первенец цветной металлургии области – наш комбинат – вступил в строй в июне 1970 г. Возникла трудность – недостаток специалистов. Из утвержденного перечня комбинату незадолго перед пуском не хватало больше половины профессионалов.

И тогда вся стройка превратилась в своеобразный учебный комбинат. После работы строители шли на курсы, которые находились прямо в общежитиях, постигали азы кобальтового производства».

Да, дед как раз из таких – кто днем строил комбинат, а вечерами учился на нем работать...

«В 1990 г. в связи с общим политическим и экономическим кризисом, повлекшим за собой распад СССР, производство на комбинате было остановлено. Сегодня принимаются меры по его возрождению, разработаны новые технологии, позволяющие получать из руд месторождения соли и металлические порошки кобальта. Второго подобного месторождение на Земле еще не найдено, лишь руды Бу-Аззера (Марокко) по своему характеру близки к нашим. Уникальность месторождения диктовала особые способы добычи и переработки руд».

Илья решил, что это конец доклада, хотел было убрать обратно в стол, но заметил, что два листа слиплись. От долгого лежания, что ли. Осторожно отделил, обнаружил там «Заключение».

Оно было написано иначе, чем предыдущий текст – как-то официально, совсем по-взрослому. Папа, что ли, помогал?

«Проведенная мною исследовательская работа показала, что несмотря на то, что наш Кобальтогорск когда-то процветал, на сегодняшний день существуют несколько проблем в его развитии – восстановление комбината, нехватка врачей узкой специализации, нехватка учителей. Без помощи государства наш поселок не сможет решить эти проблемы. Они ведь проблемы не только Кобальтогорска, но и всей страны. А историю поселка нам обязательно надо знать и помнить, для того чтобы не исчезло бесследно прошлое, чтобы наше подрастающее поколение знало свою культуру, традиции, обычаи, свое прошлое. Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории. И буду надеяться на светлое и прогрессивное будущее моей малой Родины – Кобальтогорска».

Илья вышел во двор, забрался на верх прислоненной к чердачной дверце лестницы и долго смотрел на бетонный прямоугольник на склоне горы – то, что осталось от их комбината. Он знал его только таким. В виде руин.

7

Товара становилось всё больше, и вот родители взяли с собой Настю. Не для того даже, чтоб обязательно стояла на рынке, а просто побыла в городе.

– Одичала девчонка что-то, – сказал папа, когда ее не было рядом. – Ни за ограду, никуда...

«Ну а куда тут», – чуть не вырвалось у Ильи; вовремя прикусил язык. Кивнул сочувствующе.

Но, может, и еще была причина, почему повезли Настю, – мама раза два спрашивала Илью, как Валя. Илья буркал: «Так». Вот решили оставить дом в его распоряжении...

Он догадался об этом, только когда закрыл ворота за Филкой. Постоял, держась за щеколду. Вспыхнуло желание сейчас же пойти за Валею, привести сюда. Сначала остановило то, что слишком рано – восьми нет, – а потом вернулось сомнение: надо ли, не совершит ли он ошибки...

И весь день, то слоняясь по двору, то играя с собакой, то пытаясь расколоть комлистые или сучковатые березовые поленья, то скашивая крапиву вдоль забора, он боролся с желанием. Желал пойти и боролся. Представлял, как это будет... Он, конечно, заглядывал на порносайты, испытывая любопытство и отвращение, и там часто было страстно, девушки сами срывали с мужчин майки, нападали, бились и стонали. С Валею наверняка не так. Даст раздеть себя, позволит делать все, что ему хочется. Потому что верит ему. Но сама не поможет. Ни сегодня, ни через год. Никогда... Как говорят про некоторых парни: «Бревно». Может, она не такая, но сейчас ему хотелось себя в этом уверить. Защититься этим...

Родители и Настя вернулись довольные – заработали почти пять тысяч.

– Ну куда с добром, – повторяла мама, – куда с добром.

– А ты чего такой кислый? – заметил папа.

Илья ощутил, что лицо его обмякшее и насупленное. Улыбнулся, подтянулся:

– Да нет, нормально. Устал немного.

Мама понимающе-одобрительно кивнула.

– Забор обкосил, – добавил Илья, – у малины сухие будылья срезал. Там уже ягодки наливаются...

– У! Значит, и таежная вот-вот пойдет.

– Завтра-то куда едем?

– Жимолость брать. Видел же, сколько ее. Такой момент упускать нельзя.

Да, жимолости было много – все кусты синие. И это Илью, конечно, радовало, и в то же время хотелось, чтоб было меньше. Когда часами стоишь на одном месте и берешь, берешь – крыша начинает ехать. Не в психическом даже смысле, а в самом прямом. Теряешь равновесие, словно подлетаешь и опускаешься, но опускаешься не на твердую почву или камень, а как в подушку, в гамак какой-то. И хватаешься за ветки, чтоб не упасть.

Подростком можно было часто отдыхать, переходить от куста к кусту, оправдываясь тем, что решил найти место поряснее, а теперь – нет. Теперь не схитришь. Теперь стой и сдерживай сизовато-голубые ягоды. Ведь собираешь ты для себя – для своей учебы. Не ты помогаешь родителям, а они тебе...

Дни сливались в один. Конечно, было разнообразие, много всяческих дел, но график жесткий: вчера сбор ягоды, черемши, грибов, сегодня поездка на рынок, завтра – сбор, послезавтра – поездка. Между этими делами полив огорода, прополка, еда...

Пару раз Илья был с папой у бабы Оли. Она встретила их без радости, почти неприветливо. Наблюдала, как они заносят пластиковые пятилитровые бутылки с водой. Ни отопление, ни водопровод с канализацией в их четырехэтажке так и не восстановили. На все жалобы

приходили ответы, что пока нет средств, и следом – предложения переселяться в пустующие ведомственные коттеджи. Некоторые переселились, но баба Оля упорно держалась за некогда благоустроенную квартиру. Посуду мыла в тазике, нужду справляла в ведро с крышкой и выносила в вырытую во дворе выгребную яму. Но в квартире стоял запах сортира.

– Ты всё учишься? – спросила у Ильи подозрительно и строго.

– Конечно!

Каждые полгода перед его отъездом она давала ему пятнадцать-двадцать тысяч. Стоило надеяться, даст и теперь. Поэтому Илья ответил так молодцевато.

– Давай, – кивнула баба Оля. – Учись.

– Мам, может, придешь, – сказал папа просящим голосом, – в бане хоть помоешься?

– Зачем мне баня? У меня ванна есть.

– Но ведь...

Она перебила:

– Всё хорошо. Нагреваю, наливаю и моюсь.

– А потом? Спускать ведь запрещено...

– Вычерпываю и выношу.

Илья почувствовал, что у него заслезились глаза. Нет, не от жалости к бабушке, а от досады. Но не на нее, а на другое. На такую жизнь, что ли... А папа вздохнул – тихо и бессильно.

Илье не хотелось здесь находиться. Было больно. Квартира и весь этот большой, с двумя подъездами дом подтверждали его мысль об отступлении цивилизации. Лопнувшие, словно сверхмощным ножом располованные батареи-гармошки, разодранные, как от взрывов, трубы, сухой унитаз, приспособленный под склад старых тряпок и губок сливной бачок.

Из такого городского жилища хотелось скорее уйти, вернуться к земле, к первобытности. Уж лучше так...

С родителями на рынок Илья не просился. Оправдывался перед собой тем, что отдыхает от огромного города, рядом с которым учился. А на самом деле знал – там, среди многоэтажек, сотен автомобилей, всей этой многолюдности и суеты тоска навалится всей своей душащей, колющей тяжестью.

Утром или перед сном открывал интернет – тот грузился медленно, натужно, – смотрел профили однокурсников, приятелей в фейсбуке, и становилось тошно. Может, завидовал, что почти все они отдыхают на море или на дачах, а некоторые и за границей – вот Наташка Лучанкина вовсе в Америке на родео, – а может, и другое какое-то чувство выворачивало душу.

Иногда он был уверен, что все они живут неправильно, преступно пусто, в отличие от него. Он занимается делом, полезным, важным, а они – паразиты. Вспоминался эпизод из какой-то книги – как шахтеры идут на смену. Крепко ступают по земле, руки в карманах, спины слегка согнуты. И с ухмылками поглядывают на окна зажиточных, которых обогреет их уголь. «Без нас вы замерзнете, вы не сможете вскипятить воды», – думают шахтеры, ощущая себя чуть ли не господами тех, кто считает их полурабами.

И Илья вбивал в себя убежденность: мы собираем эту землянику, жимолость, черемшу, клубнику, грибы, рвем ковыль не столько для того, чтобы заработать мне на очередной семестр, а чтобы вы жрали что-то кроме сосисок и макарон, белили стены не пластмассой, а тем, что создала для этого сама природа.

Всё чаще думалось о том, как мудро устроила природа этот мир, их планету. Интересно, что в детстве – лет в пять-шесть – Илья донимал папу вопросами: откуда берется вода в реках и ручьях, как возник песок, как появился воздух. Папа очень интересно рассказывал. Илья лежал у него под мышкой, дышал густым, надежным папиным потом, и всё ему тогда казалось надежным, незыблемым, вечным.

Когда он подрос – узнал, что многое папа придумал, да и интерес к таким вопросам исчез, стало заботить более понятное. И вот в двадцать лет, на пороге взрослой жизни, вернулось. Но теперь возникали не столько вопросы, сколько удивление мудростью природы.

Она создала всё, чтобы человечество не замерзло, не умерло от голода и жажды, жило комфортно и благополучно. Люди сами усложнили себе жизнь: вырубали и выжигали леса, и появились пустыни – ученые, например, установили, что раньше вся Австралия была покрыта деревьями, а теперь, по вине человека, процентов восемьдесят ее площади – песок.

К чему бы ни прикоснулся человек – он портит. Нет, прикосновением не испортишь, но человек ведь не прикасается, а хватает, рвет. Выдирает из планеты куски... В прошлом году Илья ехал в одном плацкартном отсеке с мужиком, который занимается добычей золота.

«А самородки встречаются?» – спросил Илья.

Мужик ухмыльнулся:

«Я за семь лет ни разу золота не видел, ни одной песчинки». – И стал рассказывать про синильную кислоту, цианирование... Илья мало что понял, но картина создавалась страшная – землю кубометр за кубометром, тонну за тонной выжигали, перемалывали, делали ядовитой и мертвой.

Потом он вычитал, что для производственных нужд используется процентов двадцать золота, больше пятидесяти – на ювелирные изделия. На все эти кольца, серьги, цепочки и цепи, может, и на пресловутые унитазы.

Вообще эта тяга людей украшать себя казалась ему просто идиотской. Дедушка часто повторял слова «идиоты», «идиотство»; произносил их негромко, почти без раздражения, а скорее с сочувствием, что ли. И теперь Илья, увидев увешанных то ли настоящими драгоценностями, то ли бижутерией женщин, мужчин с перстнями на пальцах или с желтыми цепями на шеях, вспоминал про «идиотство».

Впрочем, оно проявлялось и в другом. В дорогих часах, в запонках, на которые вдруг вернулась мода, в одежде, которая стоила как неплохой автомобиль, в автомобилях ценой с хороший дом... Особенными, опасными идиотами он считал тех, кто ездил в городах на внедорожниках. Для чего они в мегаполисах? Показать, что ты крутой, продемонстрировать статус? «Идиотство».

Все эти навороченные, сверхмощные автомобили и прочее, это ведь то же самое, что перья на голове дикаря, кость в носу. У кого больше перьев, толще кость, тот и крут.

Человечество должно бы поумнеть за десятки тысяч лет развития, но оно, наоборот, всё сильнее сходит с ума. Дома строят такие, что их хозяин за день не может обойти все комнаты, яхты не способны пришвартоваться к обычным пирсам, деньги не влезают не то что в сейфы или шкафы, а в квартиры...

Но, может, он все-таки завидовал? Ведь для него и его семьи и сто тысяч рублей одной кучкой – какие-то двадцать пятидесяти тысяч бумажек – это фантастическая сумма.

8

К середине июля пришло время полевой клубники. Росла она далековато от Кобальтогорска – километров тридцать, пешком не дойти. И Илья, как и прошлым летом, предложил ехать с ними Вале. У ее родителей машины не было.

– Я спрошу, – ответила ровно, без радости и нежелания.

– Поехали, варенья наварите.

– Отпустят – поеду. Спасибо. Дел много...

– Валь, – Илья приобнял ее; стояли в проулке, лишних глаз вроде не было, – ну чего ты такая?

Она глянула на него. Спросила:

– Не нравлюсь? – Без кокетства, без вызова. Лучше уж зло – дескать, если не нравлюсь, то и хрен с тобой. Нет, как-то пресно это прозвучало, смиренно, почти без вопросительной интонации.

Илья возмутился:

– Наоборот! – Обнял крепче, стиснул; понял – одного «наоборот» мало, нужно объяснить. – Ты... Ну, слишком хорошая. Как святая, что ли... Сказала бы хоть раз твердо так – «нет» или «да». Или еще что-то... Потребовала бы...

Говорил и слышал, что говорит не то и не может найти нужные фразы. Чувствует, что именно нужно сказать, но чувства, оказывается, недостаточно для выражения... И закончил совсем уж глупо, вопросом:

– Понимаешь?

– Нет, – просто ответила она, – не понимаю... И чтобы твердо что-то сказать, надо быть уверенной. Я не уверена. Вот люди спорят, ругаются, значит, они уверены.

– Хм, многие не поэтому ругаются.

– А почему?

– По-моему, им скучно просто... Ладно, проехали... В общем, спроси у мамы. У нас место в машине есть. Наберешь ведро – лишним не будет.

– Спрошу.

Мама отпустила Валью, и вот они вчетвером – она, Илья и его родители – отправились в поля. Сначала по трассе, которая связывала Кобальтогорск с городом. Тайга, горы; дорога петляла, ухала вниз и карабкалась асфальтовой полоской на очередной перевальчик или жалась к обрыву.

Километров через пятнадцать свернули на гравийку. Правда, новый гравий не подсыпали, а прежний ушел в землю, разлетелся по обочинам, смылся дождями, талым снегом – спустя пяток лет это будет обычный проселок... Когда-то дорога вела к ферме, но коров давно съели или продали, а коровники – три длинных приземистых здания с провалившимися крышами – до сих пор стоят на краю тайги, а вернее, в начале полей...

Даже теперь, когда о почвах, вообще о природе Илья знал многое, для него оставалось загадкой, почему смена тайги и равнины происходит так резко. Вот только что они ехали в сумраке от густых и высоких деревьев. И выскочили на голое пространство. Ни молодого листвяка, ни берез, ни кустов, как должно бы быть на опушке. Как обрезало. Лишь несколько лиственниц, словно отбившись от стада, замерли там, в траве. Именно замерли – тайга жила, шевелилась, пышала силой, а эти десять-пятнадцать деревьев, выросших поодиночке в стороне от нее, были низенькие, корявые, с изогнутыми верхушками. Казалось, само солнце каждый день шлепает их, наказывает, что забежали сюда, не на свою территорию.

И ведь лиственницы, сосны, березы бросают сюда свои семена, но почти ни одно не приживается, не дает плодов...

Проезжая мимо коровников, папа сбавил скорость, и все посмотрели на эти руины с сохранившейся кое-где на стенах побелкой, со свисающими на ржавых гвоздях осколками шифера, лохмотьями толя. Словно мимо кладбища проезжали.

Но на кладбище памятники, склепы – для мертвых, а это было построено для живых. Наверняка торопились, выполняли план, получали выговоры или премии, гордились сделанным. В полях косили траву и везли сюда, складывали в скирды, выворачивали навоз, отправляли удобрять землю, на которой росли картошка, огурцы, прочие овощи для жителей Кобальтогорска, рабочих комбината. Приезжали сюда по утрам и вечерам доярки, молоко доставляли на местный молокозаводик, делали из него сметану, творог, кефир, варенец... Коров осматривали ветеринары, скотники принимали телят, бычков откармливали и забивали, мясо поступало в магазины.

А теперь ничего. Руины, безлюдье, тоска.

Мясо привозят из соседнего региона, молоко продается в пакетах, долгого хранения. Когда-то говорили, что все эти перемены разумны, что найдены оптимальные варианты снабжения. Потом – что всё вокруг комбината отравлено на десятки километров. Людям жить хоть и рискованно, но можно, а питаться плодами земли, выращивать животину – смертельно опасно...

Местность, строго говоря, полями не являлась. Не была она ровной и тем более распаханной и засеянной зерном. Но так ее называли, чтоб не путать со степью, которая начиналась дальше, тянулась на многие десятки километров до новых полей, упиравшихся или в берег великой сибирской реки, или в новую таежную стену.

Гладких участков у них здесь вообще нет – повсюду бугры и холмы, которые местные называли курганами, вытянутые невысокие горы, напоминающие занесенные, заросшие дерном стены, – увалы. На этих курганах и увалах и росла клубника. В основном на северных и западных склонах, где ее не так сильно выжигало солнце.

Варенье из клубники было у Ильи любимым в детстве. Мог съесть хоть целую банку. Особенно нравилось запивать парным молоком. Родители или бабушка останавливали: «Хватит, а то заворот кишок будет».

Потом, когда стал собирать ягоду сам, желание есть варенье банками пропало. С каждой ложкой вспоминал лето, себя на корточках и бесчисленные красные шарики в траве... Клубника бралась куда лучше земляники, жимолости, черники – часа за два в одиночку можно было наполнить ведро, – но все равно требовала упорства, терпения. И здесь кусали слепни и комары, и здесь затекали ноги, сводило пальцы, темнело и рябило в глазах, заливал их пот. И солнце, солнце – от него здесь никуда не спрячешься.

Конечно, когда выезжаешь раз-другой, вспоминать посреди холодной зимы можно даже с радостью, но если этих поездок только на одну клубнику десять, пятнадцать... И сейчас, увидев красноватые от ягоды склоны, Илья понял: будут брать через день, пока не кончится, или не перезреет, или Филка не крякнет. «До талого», – как говорил он пацаном, не понимая как следует значения этой фразы. Теперь понимал.

Папа остановился на краю красного покрывала, и Илья снова, но уже мельком, удивился: вот же здесь, слева, почти нет ягодника, ягод наперечет, а справа словно линия проведена – всё в клубнике, через каждый сантиметр. И, в отличие от «виктории» или земляники, ягоды не никнут к земле, не прячутся, а топорщатся на тонких стебельках, смотрят в небо.

Вышли из машины, и головы закружились от аромата. Он вроде легкий, не такой маслянистый, как у земляники, но одуряет куда сильнее. И сразу захотелось лечь на это покрывало, съесть несколько ягодок, прикрыть легкой тканью лицо и уснуть. Так, наверное, хорошо здесь выпиться. А нужно работать.

Открывается багажник, достаются ведра, плоские ящики, добытые в городе на рынке – в таких продают виноград, персики, – прячутся под машину, с солнца. К вечеру они заполнятся клубникой.

Мама предлагает попить воды с жимолостью – хорошо утоляет жажду. Все пока отказываются: еще не хочется. Валя повязывает косынку уверенными, взрослыми движениями. Она в спортивных штанах, серой майке, старых разношенных кроссовках. С собой у нее кофта, но не от холода, а на случай, если слишком будет донимать комарье, оводы. Как говорится: зимой носим по трое одежек, потому что мороз, а летом – потому что гнус.

– Ну что, приступаем? – традиционно спрашивает папа, словно бы есть вариант не приступить.

– Да, надо...

– Начнем.

Илья улыбается и подмигивает Вале. Дескать, держись.

На часах начало десятого утра, но солнце уже почти в зените, хотя пока не разгорелось, и легкий ветерок надувает. Вот бы надувал весь день...

Берут десятилитровые пластиковые ведра, расходятся от машины буквально на несколько шагов, присаживаются на корточки и, как комбайны мотопилами, начинают работать руками. Правой, левой, правой, левой. Слышится пощелкивание ягодок, отрываемых от черешков, потом – стук их, падающих на дно ведер. Как горошины...

Работа поначалу увлекла, ведро заметно наполнялось. Впрочем, как и с земляникой, слишком часто заглядывать в него не стоит, и Илья сыпал ягоду не глядя.

И постоянно сознавать, что вот, собираешь клубнику, тоже не надо. Устанешь, быстро надоест. Самое правильное – мысленно отвлечься, думать о чем-то постороннем, фантазировать, вспоминать.

Это легко, когда занимаешься подобным изредка, а если каждый день да через день... От музыки и аудиокниг в наушниках быстро становится тошно. Остается думать. Но всё уже обдумано, обо всем вспомнил, помечтал, все представил. Десятки раз – что приехал в конце августа в студгородок, что заплатил за семестр, вселился в общагу... Перед каникулами студентов заставляли забирать вещи с собой или сдавать на склад коменданту, а в комнаты вселяли то гастарбайтеров, то каких-то командировочных, то малоимущих туристов... В общем, месяца на полтора приспособливали общагу под гостиницу. Да и в остальное время два этажа из семи были отданы под такой бизнес. Легальный или нет, Илья не знал. И не хотел знать. Правда, иногда брало зло, что вместо двух человек почти повсюду жили по трое-четверо. Учить что-нибудь, готовиться к зачетам и экзаменам было трудно, даже просто почитать не всегда получалось. Над ухом болтали, ходили, гремели посудой, вздыхали, ели, пили...

Вот прямо чтоб друзей Илья за эти два года не нашел. Сначала поселился с теми, с кем велел комендант, – соседями оказались двое гоповатых парней. Толя и Славян. Один из-под Барнаула, второй из Черногорска. Толя поступил по баллам, но вылетел после зимней сессии (Илья надеялся, что освободившееся бюджетное место отдадут ему, не отдали), а Славян, платник, дотянул до летней, на одном из экзаменов – Илья уже не помнил на каком – распахивался, стал кричать, что препода живут на его деньги и его же чмырят, отказался от пересдачи, и его отчислили.

На первом курсе к ним подселяли кого-то, но коротко – миграция из комнаты в комнату происходила постоянно, первокурсники могли оказаться у ребят с других курсов, геологи у биологов, физики у филологов, и это тоже Илье не нравилось – одно дело жить, с кем сидишь в одной аудитории, слушаешь одни лекции, а другое – кому твоя специальность темный и ненужный лес.

И в прошлом учебном году он ни с кем особо не сошелся, соседи по комнате были нормальные, но дружбы и желания оставаться вместе не возникло... Был у них на курсе один

парень, Юрка Престенский, тоже из небольшого, дальнего поселка. Одиноким, молчаливым, вечно в своих мыслях. Илью и тянуло к нему, как к родственной душе, что ли, и отталкивало. Вот разговаряются, сдружатся, и обоих зальет кислота депрессухи...

Вёдра до краев не добирали – изомнется, усядется; слегка больше половины – и несли к машине, ссыпали в ящики, осторожно разравнивали ребром ладони. Пили воду, потягивались, хрустя костями, а потом снова расходились.

Илья часто поглядывал на Валю. Она работала быстро, сосредоточенно, руки мелькали над травой, сдергивая ягоды, согнутые ноги делали мелкие шажки вперед, вперед. Трудолюбивая, умелая... Хотелось заглянуть в ее мысли, узнать, о чем в это время думает. Но почему-то Илья был уверен, что ни о чем не думает, просто собирает клубнику – одну, другую, сотую, пятисотую, а в голове темным-темно.

«Нет, так не может быть». И какой-то ехидный голос нашептывал: «Может, может». «Не может, – убеждал себя. – Это всё потому, что я отвык от нее и от всех, от этой жизни. Отрываюсь, и они мне кажутся такими... – Искать слово. – Бездушными. Рабочими механизмами».

И словно подтверждая, что они, его земляки, живущие здесь, бездушные механизмы, вспоминались проведенные среди них три недели. С Валею молчаливые прогулки, которые быстро стали тяготить, общение с родителями, но скупое, по делу, ни одного вопроса от сестры, как он там, в универе, как огромный город, рядом с которым живет, какой он вообще. Торопливый прием пищи под бубнящий телевизор, «спасибо» перед тем как встать из-за стола... А так – работа, работа, работа. Короткие реплики друг другу, какие наверняка произносят какие-нибудь каменщики, формовщики, трактористы, которых ничего друг с другом не связывает, кроме этой самой работы.

Но у каменщиков, формовщиков есть выходные, отпуска, а у них... Хозяйство, которое вот оно – за порогом. Даже от несчастного огорода надолго не отвернешься – зарастет или засохнет.

Может быть, баба Оля потому и не хочет переселяться к ним насовсем, чтобы сохранить пусть облезлую, израненную, но все-таки душу... И дядя Юра горланит недеревенские песни для этого... Колька, год проведенный не здесь, вернувшийся, хочет убежать...

Вот говорят же: от усталости язык не шевелится. Бывает, и мозги тоже перестают работать. У него это периодами, а если каждый день, если усталость вселилась навечно, стала привычной... И мозги просто заклинило, сохранился только набор действий, которые продолжаешь выполнять, не думая.

Илье было стыдно, но аргументов для спора с ехидным голосом он не находил. И пытался сосчитать дни до своего отъезда.

9

Вернулись еще засветло, но набрали прилично. Валину добычу пересыпали из ящиков в ведро, получилось почти два по двенадцать литров; Илья вызвался ей помочь, она отказалась. Мягко, но, по своему обыкновению, так, что ему сразу расхотелось. Не то чтобы расхотелось, просто он в очередной раз увидел, что помощь ей не нужна и ее, в ее же глазах, принизит, если Илья будет делать то, что она делать должна сама. Вот машины у ее семьи нет, и она поехала с Погудинными, но руки и ноги имеются – почему бы самой не отнести эти ведра... Не привыкла, что ей помогают, вот и воспринимает такие предложения как что-то чуть ли не обидное.

А буквально через пятнадцать минут вернулась:

– Вы завтра на рынок?

– Да. – Мама с Ильей еще носили клубнику в погреб.

– Можно тоже? Ведерко попробую продать.

– Какой разговор, Валюша. Только мы рано поедем. Приходи к семи.

– Спасибо, тетя Марин. – И скорей пошла к калитке.

– Пока, Валь! – крикнул Илья; получилось как-то по-детски. И, кашлянув, набрав в горло солидности, сказал маме: – Я тогда тоже поеду.

Мама кивнула, как самому собой разумеющемуся.

Настя уже нарвала гороха, тонкой, но аппетитной морковки, нарезала лука, укропа, кинзы... После торопливого ужина вязали пучки, мыли пластиковые стаканы, скатёрки на прилавок. Около одиннадцати разошлись спать, и почти сразу, как показалось Илье, раздался голос папы:

– Что, брат, поднимайся. Пора. В машине додремлешь.

Ежась то ли от утреннего холода, то ли от недосыпа, умылся. Есть не хотелось. И ехать тоже. Надеюсь, что Валя не придет, откажется, тогда и он...

Но Валя появилась без десяти семь. В руках ведро, обвязанное сверху белой тряпочкой. Совсем несонная, нарядная, в цветастой шерстяной кофте, сиреневых туфлях, волосы гладко зачесаны и собраны в пучок. Илья давно не видел ее такой, взбодрился, улыбнулся:

– Всю ночь собиралась?

Ожидал ее ответной улыбки, чего-нибудь вроде шутки, но Валя серьезно сказала:

– Нет.

Пока была местная дорога, потряхивание Филки воспринималось нормально – асфальт давно не подновляли, битум вымылся, изжарился солнцем, и камушки торчали из его остатков, как крошечные кочки, по которым легковушки ехали, мелко дрожа. Дрожали и старенькие «жигуленки» и «москвичи», и «вольво» с «мерседесами».

Выбрались на федералку, и сразу стало ясно, что не в одной дороге дело. Пружины подвески наверняка плохо сжимались и разжимались – ехать было попросту жестко; Филка явно заваливалась на правую сторону; когда скорость становилась больше восьмидесяти, начинала трястись, как немощная старушка, которую торопят. Что-то постукивало, царапало, хрустело...

Посмотришь телевизор, в интернет заглянешь – повсюду о станциях техобслуживания, диагностики и тому подобном. В больших городах, может, так и есть, а у них... У них в Кобальтогорске станции нет, заправка и то на грани закрытия, говорят, что горючее завозить, операторам платить дороже, чем ее содержать. Большинство заправляется в городе – там дешевле...

Если оставить машину в СТО в городе, то как добираться до поселка? Рейсовые автобусы не ходят почти по всей области. Отменили, когда Илья был маленьким. Перед каждым выборами о них вспоминают, начинают требовать, руководство обещает, иногда даже запускает, но

через пару недель маршруты вновь закрывают: автобусы пустые. Те, кто без машин – безлошадные, – просят со знакомыми.

Илья добирается на каникулы так: поторчишь на площади перед автовокзалом, слушая призывы мужиков-водителей: «Ильинка... Подхребтинское, два места осталось... Белый Камень... Кобальт...» – и наберется три-четыре человека, едущие в их Кобальтогорск. Скидываются, и погнали...

Пейзаж на протяжении почти всего пути одинаковый. Если ехать из поселка – сначала тайга и горы, дорога петляет, то взбираясь на очередной перевал, то спускаясь в долину. А потом деревья резко кончаются, небольшая полоса полей, и дальше желтая степь с редкими, напоминающими шишки на теле, холмами.

Нет, не совсем холмами – эти были выше, и склоны у них круче, порой почти отвесные... Илье нравилось название «шихан».

С цепью гор, с увалами всё, в общем-то, ясно – в эпоху молодости планеты происходили сдвиги плит, одна наползала на другую, и получались хребты. То высокие, то нет. А вот эти одиночные... Как, от чего возникли они? За два курса Илья успел многое узнать о строении Земли, но часто не верил теориям, объяснениям, даже аксиомам.

Такие одиночные полугоры-полухолмы, считается, – остатки рифов древних морей; часто они состоят из известняка. Но у них тут не было моря, и «шиханы» имели разное строение – одни из песчаника, другие из гранита, третьи из самых настоящих булыжников, из четвертых, словно хребты динозавров, торчали огромные пластины камня-плитняка.

Воображение постоянно рисовало Илье эти шиханы как рукотворные. Как те древние люди, чьи могилы иногда находят в степи, несли, тащили, волокли в определенное место булыжники, плитняк, валуны, гранитные глыбы, нагромождали друг на друга. Постепенно камни заматались землей, зарастали, становились частью дикой природы. А там, под ними, лежат самые знатные вожди, самые храбрые воины, самые красивые женщины... Слишком правильные склоны были у этих полугор-полухолмов, почти на равном расстоянии друг от друга они располагались...

Местами степь становилась совсем скудной, превращалась чуть не в пустыню. Песок некрепко стягивали корнями вечно полумертвые травы, но кое-где он прорывался, и возникали коричневатые-желтые гребнистые плечи, напоминающие молодые барханы.

И вот вроде без всякой причины пейзаж меняется – трава становится гуще, выше, белеет колосьями-ми-перьями ковыль, появляются кусты караганника, а то и редкие вязы с круглыми кронами. Совсем саванна, только зебр с жирафами не хватает. Потом – снова полупустыня с лезущим наружу песком.

Иногда трасса пересекает речки, текущие все в одну сторону – к великой реке, делящей Россию на две почти равные части. И берега одних речек почему-то совсем пусты, а других непролазно заросли тальником, облепихой, тем же караганником, который здесь превращается в деревья и получает название акации.

Впереди появляется каменная стена. Без вершин и пиков. Ровная, будто по ней прошли гигантским рубанком. Это Солданский хребет. Вот перевалят его, и там километрах в пятнадцати – город. А в городе рынок.

Задолго-зadolго до рождения Ильи рынок занимал крошечный пятачок земли, со всех сторон вместо забора окруженный магазинчиками-избушками. Все старшие в семье часто вспоминали о том рынке как о чем-то сказочном, мифическом. Как приезжали в город и первым делом отправлялись туда. Не торговать, а покупать или больше разглядывать, дивиться.

Мужчин интересовали охотничий магазин с ружьями на стенах и гильзами, дробью, пулями, порохом, золотистыми капсюлями под толстым стеклом прилавков; магазин для рыболовов, где манили телескопические удочки, блёсны, кучки изогнутых крючков с острейшими жалами, мушки, лески, поплавки; магазин «Филателия» с пестрыми марками из самых даль-

них, казалось, и не существующих вовсе стран вроде Либерии, Верхней Вольты; студия звукозаписи с ассортиментом отличного качества записей песен на любой вкус, от Высоцкого до «Аббы».

Женщины бежали в «Одежду», где часто выбрасывали то, что в универмагах найти было почти невозможно; в магазин «Ткани», где можно было купить замечательный отрез хоть на юбку, хоть на платье, да на что угодно (тогда еще многие шили сами); в магазин «Посуда» – первое место, где стали продавать сковородки с антипригаром.

И всех одинаково завораживала коммиссионка – настоящие джинсы, роскошные дубленки, сапоги, туфли, кроссовки, двухкассетные магнитофоны, плоские черные видики, французские духи. Ходили по тесному магазинчику как по музею... За коммиссионкой, будто для контраста, размещался уголок старьевщиков с замками и связками ключей, лопатами, ржавыми запчастями, клееными камерами, истертыми напильниками.

Посреди рынка ослепительно белел мясной павильон – в то время его покрывали известкой снаружи и изнутри раза два в год, – а по соседству находились четыре ряда торговых рядов для населения. Там разрешалось продавать сельхозизлишки со своих огородов. Ряды эти сохранились до сих пор. Из толстых плах, со столбами, мощными крышами...

Теперь же рынок занимает квартала три – бывший пустырь слева от центрального входа и территорию недостроенной типографии справа. Плюс окружающее пространство.

На бывшем пустыре торгуют китайскими вещами, в здании несостоявшейся типографии – молочкой, рыбой, мясом, а под его стенами – овощами и фруктами. Именно сюда каждый второй день приезжают Погудины.

Илье тяжело бывать в городе. Это с детства. Он очень любил парк с каруселями, сахарную вату, которая возникала, как он считал, из воздуха, высокие дома, центральную площадь с фонтанами и лотками с мороженым под разноцветными зонтиками. Да, любил, но всегда помнил, что нужно будет уезжать – здесь он гость. А хотелось здесь жить.

Деревенские всегда выделялись. Они спешили, ели мороженое торопливо, встав в кружок посреди тротуара; Илья чувствовал себя таким же и был словно второго какого-то сорта, думал о себе мыслями местных: припёрся, мешается.

Позже, когда стали в городе торговать, появилась непроходящая тревога, – казалось, что ничего они не продадут. Столько такой же ягоды, таких же пучков редиски, морковки, стаканов с горохом, пирамидок из огурцов, помидоров. Куда уж тут... И время, время, которое дома не замечаешь – там оно бежит само собой, там постоянно чем-нибудь занят, – здесь тянется, как горячая резина, жжет бесцельностью минут, часов.

Нет, цель вроде бы есть – продать это ведро, или этот пучок, или эту ковыльную кисть для побелки, – но пустое ожидание выматывает, отупляет.

Илья пытался читать, играть в телефоне, слушать музыку. Не получалось. Стоишь и ловишь взгляды проходящих мимо, и просишь глазами: «Подойдите, купите. Купите, ведь за этим вы сюда и пришли. Что вам стоит?» А потом, в спины уходящим: «Козлины...»

И всегда каким-то чудом казалось, когда у них покупали. Выбирали именно их ягоду, или их огурцы, их горох. Конечно, не «именно», но в момент покупки возникала уверенность, что так. И грудь, точно струя свежего воздуха, наполняла гордость...

Перед тем как выходить из машины, выгружать ящики с клубникой, мама напомнила:

– Не говорим, откуда мы. Если спросят – из Владимировки.

– Да, да...

Из Кобальтогорска и его окрестностей не брали. От самих людей многие отшатывались, как от заразных. Зато товар из села Владимировка по ту сторону Ханского хребта ценился.

Распределили, кто где будет стоять, на каких участках рынка. Чем больше мест, тем вернее шанс, что купят. Пройдут, скажем, мимо Ильи, задержатся возле мамы, спросят цену у папы, а у Вали – возьмут. Или наоборот. Или еще как-нибудь.

Найти место не так-то просто, хотя на прилавках вокруг здания типографии есть свободные пятачки. Но одни торговцы – а это в основном перекупщики, наемные – бросают располагающимся: «Место арендовано!» И если это объявление не помогает, добавляют: «Хозяева не велели пускать». Еще и пихнут. Другие подозрительно интересуются: «Что у вас?» И если ассортимент не совпадает с их, пускают, даже могут потесниться, а если совпадает – говорят то же, что и большинство других: про арендованное место, про хозяев, которые не велели, что они вот-вот придут...

Для таких, как Погудины – непрофессиональных – снова, как раньше, предназначены ряды возле мясного павильона. Правда, туда, в самую глубь рынка, мало кто добирается.

С ящиками и коробками, сумками, набитыми пучками, кистями, пустыми стаканами, разошлись.

Илья помог устроиться Вале – соседка, торгующая фруктами, не возражала, – потом нашел место для себя. На краю прилавка, в углу. Место вроде невыгодное, но по опыту он знал, что в такие углы часто заглядывают. Бродят-бродят, всё им не глянется, всё не такое, и вот видят паренька, явно не перекупщика, не живущего базарной торговлей. Набрал ягоды, нарвал выращенной морковки, гороха, прихватил связанную дедом кисть и пришел. У такого купить как-то честнее, чем у этих...

Стоял, вертел в руках дешевый смартфон «Вертекс», но внешне солидный, статусный, то открывая игры, то закрывая, то заходя в интернет, то отключая... Старался не терять из виду Валу. Почему-то всё росла уверенность в ее неприспособленности, незащитности. Казалось, любой обманет, обидит, а она даже не возмутится, да и не поймет просто-напросто. Будет так же стоять и серьезно смотреть на обидчика.

Наверняка Валя была не такой. Она многое знала, умела, могла за себя постоять. Да, простая, но не разиня ведь, не дурочка... И все же Илья настойчиво убеждал себя: она незащитная, несамостоятельная. Когда-то убеждал себя в этом, потому что хотел быть для нее защитой, всю жизнь ее охранять, помогать. А теперь... Теперь, кажется, для того, чтобы однажды себе сказать: с такой женщиной не стоит связывать жизнь, она утопит.

10

Расторговались небыстро, но все-таки не привезли обратно почти ничего из товара. Вернулись уже в сумерках; Илья пошел проводить Валю – из-за упорной скромности она опять не разрешила подвезти себя к дому.

– Не надо, дядь Саш, пожалуйста. Я сама. Не надо, а то больше не попрошусь.

Илье показалось, что она хочет остаться с ним наедине, поэтому поддержал:

– Мы пройдемся.

Валя резко, как-то вздрогнув, глянула на него. То ли непривычное словцо «пройдемся» удивило, то ли другое заставило вздрогнуть...

Почти насильно Илья забрал у нее ведро с платочком на дне. Пошли.

– Вчера с двумя полными отпустил, – усмехнулся, – а сегодня... Извини. Как-то, – осекся, решая, стоит или не стоит признаваться, – как-то хреново на душе все эти дни.

Сказал и замолк. И Валя не отозвалась, как сделали бы девяносто девять из ста девушек, вопросом «почему?». Молча шла рядом, отклоняла голову от нависающей над переулком крапивы. Ждала, видимо, что он скажет дальше. И Илья искал дальнейшие слова, и все они были не теми, какими-то слишком простыми, неточными, заболтанными. Их наверняка говорили тоже девяносто девять из ста, и ему не становится сотым. Ведь это его жизнь, и слова должны быть только его, а не общие.

Но новые слова не приходили в голову, не придумывались, язык ворочался во рту тяжелой, широкой лопатой. А надо было говорить, раз уж начал.

– Ты вот учиться дальше не хочешь. И уезжать. Получается, здесь навсегда готова... И как мне? Бросать, вернуться я хочу теперь.

Он покосился на Валю, а она как-то странно на него. Может, испуганно, а может, с надеждой.

– Ты хочешь, чтоб бросил?

– Нет! – Она почти вскрикнула. Значит, не надежда.

И Илья задал этот дурацкий вопрос, который только что ждал от нее:

– Почему?

– Да как же – два года проучился. Как бросить?

– Ну, бросают же.

Валя сдвинула брови, на лбу появились полоски морщин – тоже искала слова.

– Но... А... А родители?... Это ведь убьет их просто. Столько сил... Не надо.

– Не надо, – повторил Илья; почувствовал, что стал злиться – не на Валю скорее, а на то, что она сказала ему то же, о чем он сам все последнее время думал. – Но ведь это моя жизнь. И мне решать... Если я ошибся и теперь вижу, то как...

– Ни в чем ты не ошибся. Всё правильно.

– Хм! Что правильно?

Валя не ответила. И ему стало стыдно за этот вопрос. Какой-то немужской, что ли.

– Извини. Да, я понимаю – для них это ударом будет. Они изо всех сил... Ради меня... Но еще три года. Три года вот так по этим Золотым долинам... из последних сил. А потом... – Попытался взглянуть в ту тьму, что стояла за розовой картинкой, где ему вручают диплом, и отшатнулся – тьма была непроглядная. – Нет, про потом не надо. Хотя бы три года. Я там, ты здесь. Каждое лето такое – сил нет ни с кем встретиться, поговорить. С тобой вот... Я тебя не игнорию... Каждое утро собираюсь, а вечером с ног валюсь... Зимой – лес валить за гроши... Да не в этом, блин, дело. Не в этом.

«А в чем? – спросило внутри, не с ухмылкой, не с иронией, а кажется, с болью, желанием понять и после этого попытаться ответить. – В чем дело?»

Они уже почти пришли. Илья не хотел расставаться с Валею, вернее, хотел договорить. Остановился. И она остановилась.

– Что вообще меня там ждет? Тьфу!.. – Снова не те слова. – Не ждет, никто никого не ждет. Бери и отвоевывай. Все отвоевывают свое место. Э плейс ин зе сан... А я не хочу, Валь. Честно. И экзамены сдавать, зачеты все эти. Толку? Вон узнал весной: кто в прошлом году закончил – никто не работает. Ну, по диплому. Двое ребят в экспедицию уехали – и всё. Они, может, и правильно – практика, но... Но все равно... А остальные, – углубляться в это «но» было сейчас лишним, – остальные или в поиске, блин, или доставщиками. Самая востребованная работа – жратву доставлять. Нам постоянно парят: выпускники работают в «Газпроме», «Роснефти». Ну да, работают – один из ста... Переизбыток... Я был на защитах, там такие... Прямо ученые были готовые. Если они не смогли, то я уж куда...

И только стоило замолчать, снова появился этот голос внутри. И теперь усмехался, хмыкал: «Поплакался? Будешь ждать, что она скажет: “А ты – сможешь!”?»

Валя молчала. В ее глазах нет скуки, досады, но и сочувствия тоже нет. И до пощипывания в пальцах потянуло ее обидеть. Взять и обидеть, чтоб растормошить, оживить.

– Ладно, пошли, – сказал резко, почти грубо, и первым двинулся к калитке. Валя, слышал, держалась за спиной.

Раздражающе-резко и одновременно приятно пахла мелкая травка, которая растет обычно на малоезженных дорогах, во дворах. Днем ее не слышно, а вот на закате просыпается. Как ее называют?.. Он знал много названий трав, но все это были огородные сорняки, а она на огороде не встречалась, вроде как и называть ее нет надобности.

– Если что, завтра поедешь? – спросил; в машине договорились предварительно – «как силы будут», и вопрос его был ненужный, пустой, заданный, чтоб не расходиться молчком.

– Не знаю. Отпустят – поеду. Может, дела какие...

– Ясно. Ну ладно, иди родителей порадуешь. Почти полторы тыщи ведь получилось?

– Угу...

Илья прижался своими губами к ее губам. Она не сопротивлялась, но и в этот раз не отозвалась. Поцелуй получился сухой, пресный.

...Долго не мог уснуть. Может, оттого, что завтра решили никуда не ехать и потому не надо было рано вставать, может, не так устал сегодня физически – весь день проторчал за прилавком, на обратном пути дремал...

То лежал на узкой железной кровати с похрустывающей при каждом движении сеткой, то ходил по комнате, оглядывал вещи, то, выключив свет, смотрел в окно, в черноту. После города даже в полнолуние ночи кажутся темными. А сейчас луна была молодой, узенькой, зато звезд бесчисленно. Они горели не мерцающей, круглыми белыми точками.

Было совершенно тихо и в то же время беспокойно, нудно. Илья несколько раз в жизни пробовал курить, и ему не нравилось. А вот сейчас, казалось, покурил бы с удовольствием. Чего-то хотелось... Может, выпить.

Хе-хе, вот так и спиваются хорошие мальчики. Читают правильные книжки, смотрят научно-популярные фильмы, копаются в «Википедии», открывая для себя мир с тысячами важных событий давнего и недавнего прошлого, слушают по интернету лекции, запоминают термины, а потом попадают во взрослую жизнь, нагруженные кучей знаний, но без реального опыта. Голые, по существу, нищие, одинокие. Начинают думать, недоумевать, сомневаться, отчаиваться. Голова разбухает, мозги воспаляются. И возникает необходимость погасить это воспаление. И идут за водкой или покупают траву или колеса...

И дед, и папа рассказывали, что до конца восьмидесятых в их поселке частенько происходили драки; крошечный Кобальтогорск был поделен на три части между компаниями парней. Это не были хулиганы, тем более бандиты. Нормальные ребята – днем учились в школе или работали, а вечером сбивались в стаи и охраняли свои районы. Центр (коттеджи, где жили

Погудины), Панельки (четырёхэтажные дома) и Деревяшки (самострой и бараки для первых поселенцев). И не дай бог было в сумерках попасться на чужой территории такой стае. До серьезных избиений, кажется, не доходило, но поддавали обязательно. Побитый часто бежал к своим, завязывались драки стенка на стенку. Взрослые особо и не вмешивались – воспринимали как явление природы.

Если парень и девушка из разных районов начинали дружить, то обязательно получалось подобное «Ромео и Джульетте». Хотя днем все было нормально – подравшиеся накануне приходили в школу, садились за одну парту, без злобы смотрели друг на друга подбитыми глазами, обсуждали подробности; влюбленные гуляли где хотели, но вот солнце садилось, и наступал этакий комендантский час.

Бандитские девяностые, как ни странно, уничтожили эту традицию. Заводилы превратились в настоящих бандитов, куда-то поразъехались и почти все исчезли, сгинули.

Илья рос, когда в поселке было спокойно, но это было спокойствие кладбища. Жизнь не пульсировала, не звала что-нибудь такое вытворять, доказывать.

Подобные войны между районами, он читал, были раньше повсюду. Дрались в городах, дрались в деревнях или деревня на деревню. Может быть, это было необходимо, чтобы вырастить крепких, смелых, настоящих мужчин.

Дед был крепким, и папа рядом с ним выглядел как подросток. Когда дед умер, папа стал крепче, но уже не таким, каким был дед. А Илья... Вот ему двадцать лет, два года он большую часть времени живет отдельно от родителей, но по-настоящему от них не отлепился. Ждет помощи, всегда держит в голове, что может к ним вернуться. При необходимости.

Да, это все-таки детскость – мысли бросить универ. Вернее, такие разговоры... И Илье стало стыдно перед Валею. Надо сказать ей, что это фигня, что просто от усталости наговорил... И если уж бросать, то без разговоров, без нытья. Взять и бросить, взять и вернуться сюда. И жить как взрослый.

Недавно он послушал в интернете лекцию одного психолога про сепарацию от родителей. В лекции было всё ясно и понятно, а главное, правильно, здраво. После восемнадцати лет, говорил психолог, необходимо отпочковаться, не теряя при этом связей с семьей, начать жить независимо. Там было про эмоциональную независимость, ценностную, функциональную, материальную. Три первые у Ильи вроде бы есть. Или вполне могут быть. А вот с четвертой... Четвертой нет и не предвидится.

Часто слышал такое: я в твои годы учился и работал. Не ему это говорили, но все равно. Он пытался и учиться, и работать. Не получалось. Не хватало сил и энергии. Да и денег такая полурбота почти не приносила. Копейки, на которые даже не прокормишься. И ни у кого из знакомых Ильи тоже не получалось. Всем помогали родители... Не помогали даже, а содержали. Бюджетники получали стипендию две с небольшим тысячи. Из них за место в общежитии платят двести пятьдесят, за льготный проездной – пятьсот. Что там остается? И дошиком не прокормишься...

Но надо, надо взять и отделиться. Отсепарироваться, хе-хе... Нет, серьезно, надо найти вариант. Найти какой-нибудь вариант...

Наверное, ночь так действовала – сейчас казалось, что этот вариант где-то близко, он почти нащупал его, сейчас вытянет, как билет с легкими вопросами... Ходил по комнате, включал свет, выключал, ложился, вставал. Голова все сильнее пухла, мозг, он физически чувствовал, шевелится, гудит и потрескивает, как компьютер при перегрузке.

Оглядывал комнату, в которой вырос. Полка, где все еще стояли те книги, что любил читать ребенком и подростком, – «Остров сокровищ», «Сорок изыскателей», «Пятнадцатилетний капитан», «Пик»... «Пик» – про паренька по имени Пик, который вместе с отцом восходит на Эверест... Хорошая книга. Илья прочитал ее в десятом классе, почти взрослым, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.